

Филип Киндред Дик.

Вспомнить всё.

Вторая модель (крикуны).

• • •

Филип Дик.

ВСПОМНИТЬ ВСЁ.

Он проснулся и... захотел полететь на Марс. Его долины... что бы он ощущал, если бы бродил по ним? Величие, бесконечное величие, мечта всё больше охватывала его по мере того, как он просыпался. Он чувствовал обволакивающее присутствие другого мира, который могли увидеть только правительственные чиновники да высокопоставленные особы. А простой клерк, как он? Никогда.

— Ты встаешь или нет? — сонно спросила его жена Кирстен, с обычным оттенком раздражения в голосе. — Если встаешь, то включи кофейник.

— Хорошо, — сказал Дуглас Куэйл и босиком пошёл из спальни в кухню своей маленький квартиры. Там, покорно нажав кнопку кофеварки, он сел за стол и достал маленькую жестяную коробочку с нюхательным табаком. Быстро вдохнул его: крепкая смесь защищала в носу и обожгла небо. Но он опять вздохнул и дал волю своим мечтам, своим ночным желаниям и своим шальным мыслям, придав им теперь некоторую рациональность.

«Я полечу, — сказал он себе. — И прежде чем умереть, увижу Марс».

Конечно, это было невозможно, он знал это даже во сне. Но дневной свет и обыденный шум, жена, расчесывающая волосы перед зеркалом в спальне, — всё это как будто нарочно напоминало ему, кто он такой. «Жалкий чиновник», — сказал он себе с горечью. Кирстен напоминала ему об этом по крайней мере раз в день, и он не винил её за это; на то она и жена, чтобы опускать мужа на землю. «Опускать на Землю», — подумал он и засмеялся. Этот оборот речи был здесь очень удачен.

— Что это ты хихикаешь? — спросила она его, влетев на кухню, а длинный фартук развевался за ней. — Спорю, что это опять мечты. Ты всегда набит ими.

— Да, — сказал он и выглянул в окно, где по улице неслись машины и спешили пешеходы. Через некоторое время он будет среди них. Как всегда.

— Уверена, здесь замешана женщина, — сказала Кирстен, испепеляя его взглядом.

— Нет, — сказал он. — Бог, бог войны Марс... а на планете Марс — великолепные кратеры, на дне которых есть растения.

— Послушай, — Кирстен наклонилась к нему, вид у неё был серьезный, в голосе исчезли язвительные нотки. — Дно океана — (нашего) океана, гораздо глубже и намного красивее. Ты ведь знаешь об этом; все это знают. Возьми на прокат скафандры с

искусственными жабрами для нас обоих, попроси неделю отпуска, и мы сможем опуститься и пожить на дне океана на одном из экваториальных курортов. Кроме того... — она замолчала. — Ты меня не слушаешь. А надо бы. Ведь есть же вещи намного прекраснее, чем это твоё помешательство, твоё безумная идея насчет Марса, а ты даже не слушаешь! — Её голос стал пронижительным. — Господи, Дуг, ты обречен! Что с тобой будет?

— Я иду на работу, — сказал он поднимаясь из-за стола, не дотронувшись до своего завтрака. — Вот, что со мной будет.

Она пристально смотрела на него.

— Ты остановишься всё хуже. С каждым днем всё фанатичнее. Куда это тебя приведет?

— На Марс, — сказал он и открыл дверь шкафа, чтобы взять чистую рубашку.

Выйдя из такси, Дуглас Куэйл медленно перешёл через три пешеходных дорожки, запруженные людьми, и приблизился к очень современному зданию, выглядевшему довольно приветливо. Затем он внезапно остановился прямо на проезжей части и внимательно прочел бегущую рекламу. Вблизи она выглядела совсем по-иному. То, что он прочитал было новым: «Вспом. Инкорпорейтед».

Было ли это ответом на его мучительные поиски? Но ведь это просто иллюзия, не важно, насколько убедительна, а всё-таки иллюзия, и ничего больше. Хотя, по крайней мере, объективная. Но субъективно — совсем наоборот.

И всё-таки у него назначена встреча. Через пять минут.

Глубоко вздохнув и наполнив легкие слегка закопченным чикагским воздухом, он прошёл через ярко разукрашенные двери к столу секретаря.

В комнате сидела хорошо сложенная аккуратная блондинка с обнаженным бюстом. Она приветливо сказала:

— Доброе утро, мистер Куэйл.

— Да, — сказал он. — Я пришёл, чтобы узнать о курсе «Вспом». Думаю вы знаете.

— Не «Вспом.», а «Воспом.», — поправила его девушка. Своей гладкой рукой она подняла трубку видеофона и сказала:

— Здесь мистер Дуглас, мистер Макклейн. Ему можно войти? Или уже поздно?

В трубке что-то пробормотали.

— Да, мистер Куэйл, — сказала она. — Вы можете зайти, мистер Макклейн ждет вас.

Когда он неуверенными шагами направился к двери, она крикнула ему вслед:

— Комната Д справа!

Сначала на какое-то время он запутался, но потом нашёл нужную комнату. Отворив дверь, он очутился перед массивным письменным столом из орехового дерева, за которым сидел большой добродушный человек средних лет в одежде по последней марсианской моде: серый костюм из лягушечьей кожи. Лишь один его облик уже свидетельствовал о том, что Куэйл попал куда надо.

— Присаживайтесь, Дуглас, — сказал Макклейн, полной рукой указывая на стул напротив. — Итак, вы хотите получить воспоминания о Марсе. Очень хорошо.

Куэйл сидел, напряженно слушая.

— Я не уверен, что всё это стоит того, — сказал он наконец. — Такие деньги, но, насколько я понял, я не получаю ничего.

«Это стоит почти что столько же, сколько настоящее путешествие».
— Подумал он.

— Вы получите настоящие доказательства своего путешествия, — возразил мистер Макклейн. — Все доказательства, какие нужны, я сейчас их вам покажу.

Он порылся в ящике стола.

— Корешок от билета. — Раскрыв скоросшиватель для бумаг, Макклейн достал оттуда маленький квадратик тисненого картона. — Это доказывает, что вы туда ездили и вернулись. Почтовые открытки? — Он аккуратно разложил открытки со штемпелями на письменном столе. — Фильм. Кадры, которые вы сделали на Марсе камерой, взятой напрокат. — Он показал их тоже. — Плюс имена людей, с которыми вы там познакомились, двести поскредов — цена, которую вы должны заплатить за сувениры с Марса в следующем месяце. А также паспорт, квитанция со списком кадров, сделанных на Марсе. — Он внимательно посмотрел на Куэйла. — Вы сами будете думать, что там были, — сказал он. — Вы забудете нас, меня, даже то, что вы здесь были. В вашей голове останется лишь путешествие, мы вам это гарантируем. Воспоминания о целых двух неделях, самые подробные, до мельчайших деталей. Если хоть на миг вы засомневаетесь, что были на Марсе, можете прийти сюда и получить свою плату обратно. Вы поняли?

— Но я туда не летал, — сказал Куэйл. — И не полечу, не важно, какие доказательства вы мне представите, — он глубоко вздохнул — Я никогда не был тайным агентом Интерплана.

Ему казалось невозможным, чтобы сверхфактическая память, которая имплантируется во Воспом. Инкорпорейтед, сделала бы свое дело, несмотря на то, что он слышал об этом.

— Мистер Куэйл, — терпеливо сказал Макклейн. — Как вы объясняете в вашем письме, у вас нет шансов, ни малейшей возможности, когда-либо самому побывать на Марсе, вы не можете

позволить себе это путешествие, и, что ещё важнее, вы никогда бы не могли считаться тайным агентом Интерплана или ещё кем-нибудь в этом роде. Это единственный путь, благодаря которому вы можете достичь вашей заветной мечты, разве я не прав? — Он хмыкнул. — Об этом мы позаботимся. И наша цена вполне приемлемая: никаких дополнительных расходов, — он ободряюще улыбнулся.

— А что, эта сверхфактическая память так убедительна? — спросил Куэйл.

— Более чем реальная, сэр. Если бы вы действительно были на Марсе в качестве тайного агента Интерплана, вы бы сегодня забыли очень многое; наш анализ подсистемы подлинной памяти — то есть подлинное воспоминание главных событий в жизни человека — показывает, что разнообразные детали очень быстро стираются из неё навсегда. Данные, которые имплантируем мы, закладываются в ваш мозг настолько глубоко, что ничего не будет забыто. Они закладываются во время коматозного состояния и подготовлены людьми, прожившими на Марсе долгие годы; в любом случае, мы проверяем мельчайшие детали. Ведь вы выбрали довольно легкую сверхфактическую систему; если бы вам захотелось побывать на Плутоне или стать Императором Союза Внутренних планет, у нас было бы гораздо больше трудностей... да и цена была бы выше.

Вынимая из пальто бумажник, Куэйл сказал:

— Хорошо. Это цель моей жизни, и я вижу, что мне не осуществить её в действительности. Соглашусь и на это.

— Не говорите так, — строго сказал Макклейн. — Ведь это не суррогат. Подлинная память со всеми её провалами, неточностями и затмениями, не говоря уж об искажениях — это действительно второй сорт. — Он взял деньги и нажал кнопку на столе. — Всё в порядке, мистер Куэйл, — сказал он, когда дверь его комнаты распахнулась и в неё быстро вошли два плотных человека. — Вы на пути к Марсу в качестве тайного агента Интерплана.

Он встал и пожал нервную влажную руку Куэйла:

— Сегодня вечером в 6.30 вы будете, м-м-м, прилетите обратно на Землю, машина доставит вас домой, и, как я уже говорил, вы никогда не вспомните, что видели меня или приходили в эту контору: по сути дела, вы даже забудете, что когда-то слышали об этом учреждении.

Когда Дуглас шёл по коридорам за двумя техниками, от волнения у него пересохло в горле. Всё, что с ним случится, полностью зависело от них.

«Неужели я действительно поверю в то, что был на Марсе? — подумал он. — Что мне удалось осуществить цель моей жизни?»

Он интуитивно чувствовал: что-то будет не так. Но что именно, он не знал.

Это ещё предстояло выяснить.

• • •

На столе Макклейна загудел аппарат внутренней связи с лабораторией, голос сказал:

— Мистер Куэйл сейчас под наркозом, сэр. Вы хотите провести операцию, или мы будем продолжать без вас?

— Да это ерунда, — сказал Макклейн. — Продолжайте, Лов; не думаю, чтобы были какие-то осложнения.

Программирование искусственной памяти о путешествии на другие планеты с дополнительным напоминанием (или без такового) о том, что человек был тайным агентом, появлялось в рабочем расписании фирмы с монотонной регулярностью. «За один только

месяц, — поморщившись, подсчитал он, — мы должны сделать двадцать этих... эрзац-межпланетных путешествий, ставших нашим хлебом с маслом».

— Как скажете, мистер Макклейн, — донесся голос Лова, затем аппарат отключился.

Войдя в комнату за кабинетом, Макклейн искал пакет № 3 (путешествие на Марс) и пакет № 62 (тайный агент Интерплана). Найдя их, он вернулся к себе, удобно уселся и высыпал их содержимое на письменный стол. Здесь были вещи, которые должны быть помещены в квартиру Куэйла, пока техники занимаются имплантацией фальшивой памяти. Микротайник, миниатюрное оружие. Это самые большие предметы, подумал Макклейн. И самые дорогие. Затем передатчик размером с горошину, который можно проглотить, если агента схватят. Шифровальная книга, удивительно похожая на настоящую... эти модели были очень тщательно выполнены и максимально приближены к оригиналам, принадлежавшим американской армии. А также разные случайные вещи, не имеющие определенного смысла, но способные войти в рассказ о воображаемом путешествии Куэйла, и совпадающие с его памятью: древняя пятидесятицентовая монета, неверно записанные цитаты из проповедей Джона Дона, каждая на отдельном листке прозрачной бумаги, несколько спичечных коробков из баров на Марсе, ложка из нержавеющей стали, на которой выгравировано «Собственность еврейской общины на Марсе», кусок свернутой проволоки, которая...

Загудела внутренняя связь.

— Мистер Макклейн, извините, что беспокою, но происходит что-то странное. Возможно, было бы лучше, если бы вы зашли. Куэйл уже под наркозом, хорошо отреагировал на наркидрин, полностью без сознания и поддается внушению. Но...

— Сейчас приду.

Чувствуя, что надвигается неприятность, Макклейн вышел из кабинета и через минуту уже входил в лабораторию.

На операционном столе лежал Дуглас Куэйл, медленно и размеренно дыша, глаза его были закрыты, казалось, что он слабо ощущает присутствие двух техников, а теперь и самого Макклейна.

— Нет места заложить фальшивую память? — Макклейн начал раздражаться. — Выпадает почти две рабочие недели. Но ведь он работает клерком в Эмиграционном бюро Западного побережья, являющемся правительственным агентством, и поэтому, конечно, имеет или имел за последний год двухнедельный отпуск. Именно в эти недели и следует закладывать.

— Проблема совсем в другом, — резко сказал Лов. Он наклонился над столом и сказал Куэйлу — Расскажите мистеру Макклейну, что вы рассказывали нам. — Затем, повернувшись к Макклейну, он сказал:

— Внимательно послушайте.

Серо-зеленые глаза человека, неподвижно лежащего на столе, сфокусировались на Макклейне, и тот про себя отметил, что они стали жесткими и приобрели то блестящее неорганическое свойство, какое бывает у полудрагоценных камней. Макклейну не понравился этот взгляд: его блеск был слишком холодным.

— Вы разрушили мою личину. Убирайтесь отсюда, пока я вас не разорвал.

Он пристально смотрел на Макклейна.

— Особенно вы, — продолжал он. — Вы отвечаете за эту контроперацию.

Лов спросил:

— Как долго вы были на Марсе?

— Один месяц, — прорычал Куэйл.

— С какой целью? — спросил Лов.

Тонкие губы скривились. Куэйл смотрел на него, но ничего не отвечал. Наконец, выцеживая слова, полные ненависти, он сказал:

— Я был агентом Интерплана. Как уже говорил вам. Разве вы не записываете всё, что я сказал? Прокрутите видео для вашего босса и оставьте меня в покое.

Он закрыл глаза, и холодный блеск исчез. Макклейн мгновенно почувствовал облегчение. Лов тихо сказал:

— Это жесткий человек, мистер Макклейн.

— Он таким не будет, — ответил Макклейн. — Когда мы сделаем так, что он опять потеряет цепочку памяти, он будет таким же кротким, как и раньше.

Затем он повернулся к Куэйлу:

— Итак, вот почему вы очень хотите полететь на Марс.

Не открывая глаз, Куэйл сказал:

— Я никогда не хотел туда лететь. Но я получил задание и поэтому был там. Ну да, конечно, мне было интересно, а кому не интересно?

Он опять открыл глаза и обвел всех присутствующих, остановив взгляд на Макклейне.

— Отличное средство у вас здесь: оно растормошило мою память о тех вещах, которые я полностью забыл.

Он замолчал, задумавшись.

— Интересно, а что же Кирстен? — сказал он сам себе. —

Наверное, она знает об этом. И как связная Интерплана следит за мной... чтобы у меня не восстановилась память. Неудивительно, что она так смеялась, когда я говорил, что туда полечу.

Он слабо улыбнулся. Но эта улыбка понимания почти сразу же исчезла.

— Пожалуйста, поверьте мне, мистер Куэйл, — сказал Макклейн, — мы обнаружили это случайно. В нашей работе...

— Я вам верю, — сказал Куэйл. Он, казалось, устал. Наркотик захватывал его всё глубже и глубже.

— Где, я сказал, был? — пробормотал он. — На Марсе? Трудно вспомнить. Я... Мне хотелось бы его увидеть, как и всем другим. Но я... — Его голос стал замирать. — Просто клерк, мелкий клерк.

Выпрямившись, Лов сказал своему начальнику:

— Он хочет, чтобы фальшивая имплантированная память соответствовала его настоящему путешествию. А фальшивые мысли были бы настоящими. Он говорит правду: он под очень сильным действием наркидрин. В его голове с огромной силой выявилось это путешествие, по крайней мере, под сильным седативным средством. Но в нормальном состоянии он не вспоминает о нем. Кто-то в военной правительственной лаборатории стер его сознательные воспоминания. И всё, что он знал, так это то, что полет на Марс означает что-то особенное для него, как, впрочем, и назначение тайным агентом. Этого они не могли стереть: это не память, а его желание, и, несомненно, оно и заставило его добровольно прийти к нам.

Другой техник Килер спросил Макклеина:

— Что нам делать? Прививать фальшивую модель на подлинную память? Никто не знает, какие будут результаты: он может вспомнить свое настоящее путешествие, которое смешается у него с внушенным. Возможно, также, что у него в голове будут сосуществовать две противоположные версии: что он летал на Марс и что он там не был; что он настоящий агент и что он таковым не является. Я думаю, что мы должны привести его в

сознание, не наделяя его фальшивой памятью, и выпроводить его отсюда: он становится опасным.

— Согласен, — сказал Макклейн. У него возникла мысль. — А вы можете предугадать, что он запомнит, когда окончится действие наркоза?

— Это невозможно, — сказал Лов. — Наверное, у него будут какие-то слабые отрывочные воспоминания о настоящем полете. И быть может, он будет сильно сомневаться в их достоверности и решит, что наша программа не удалась. Возможно, он вспомнит, что приходил сюда, это не сотрется... если, конечно, вы не захотите этого сделать.

— Чем больше мы возимся с этим человеком, — сказал Макклейн, — тем меньше мне это нравится. Нечего валять дурака: мы и так сглупили — или попали впросак — раскрыв настоящего агента Интерплана, имевшего столь великолепное прикрытие, что до сих пор даже он сам не знал, кем был, или, вернее, кто он есть. Итак, чем быстрее мы отделаемся от человека, назвавшегося Дугласом Куэйлом, тем лучше.

— Вы собираетесь помещать у него на квартире пакеты №3 и №63?
— спросил Лов.

— Нет, — ответил Макклейн. — Я собираюсь вернуть ему половину денег.

— Половину? Почему только половину?

Макклейн сказал, запинаясь:

— Мне кажется, это будет удачным компромиссом.

Когда машина доставила его домой, в жилой квартал Чикаго, Дуглас Куэйл сказал себе: «Как хорошо быть опять на Земле!»

Его четырехнедельное пребывание на Марсе уже начало понемногу стираться из памяти, но он ещё мысленно видел зияющие кратеры

потухших вулканов, эрозию холмов, и чувствовал необычайную легкость движений и живость во всём теле. Там было царство пыли, и поэтому большую часть дня он должен был проверять и перепроверять свой портативный кислородный аппарат. Что касается живых форм, то на Марсе можно было найти небольшие серо-коричневые кактусы да червей.

Вообще-то он привез несколько видов марсианской фауны, протащил их контрабандой. В конце концов, они не представляли опасности: они не смогли бы жить на Земле в её тяжелой атмосфере.

Он стал шарить в кармане пальто, чтобы найти коробку с марсианскими червями. Но вместо них вытащил конверт. К своему удивлению, он обнаружил в нем деньги, 570 поскредов мелкими купюрами.

— Откуда они у меня? — спросил он себя. — Разве я не потратил их во время путешествия?

Вместе с деньгами из конверта выскользнула записка: «Половина платы удержана Макклеynom». И дата. Стояло сегодняшнее число.

— Вспомни, — сказал он громко.

— Вспомнить что, мадам или мистер? — вежливо спросил его робот-водитель такси.

— У тебя есть телефонная книга? — потребовал Куэйл.

— Конечно, мадам или мистер.

Открылось отверстие, и в нем появилась миниатюрная телефонная книга.

— Это как-то странно пишется, — сказал Куэйл, листая страницы её желтого раздела. Он почувствовал страх. — Вот это, — сказал он. — Отвези меня во «Вспом. Инкорпорейтед». Я раздумал и не хочу ехать домой.

— Да, мадам или мистер, всё зависит от вашего желания, — сказал робот, и поставил перед ним новенький блестящий видеотелефон.

Он набрал номер своей квартиры. Через некоторое время на экране возник миниатюрный, но отрезвляюще реальный образ Кирстен.

— Я был на Марсе, — сказал он ей.

— Ты пьян, — её губы презрительно скривились. — Или ещё того, хуже.

— Сушая правда.

— Когда? — спросила оно его.

— Я не знаю, — он растерялся. — Я думаю, это был имитированный полет. Посредством одного из тех методов наложения искусственной или сверхфактической памяти.

— Ты действительно пьян, — сказала Кирстен унижающим тоном и выключила аппарат. Он почувствовал, как к его лицу приливает кровь.

— Всегда один и то же тон, — сказал он себе в бешенстве. — Как будто она знает всё, а я ничего. Что за брак у нас?

Через минуту такси остановилось перед современным, очень привлекательным небольшим зданием розового цвета, над которым бежали многоцветные неоновые буквы: «Вспом. Инкорпорейтед».

Секретарша, шикарная блондинка, голая по пояс, вскочила от удивления, затем сказала:

— О, здравствуйте, мистер Куэйл. Как поживаете? Вы что-то забыли?

— Остаток своих денег, — ответил он.

Совсем овладев собой, девушка спросила:

— Денег? Я боюсь, вы ошибаетесь, мистер Куэйл. Вы приходили сюда, чтобы обсудить возможность вашего сверхфактического путешествия, но... — она пожала гладкими белыми плечами. — Как я понимаю, путешествие не состоялось.

— Я всё помню, мисс, — сказал он. — И свое письмо во «Вспом. Инкорпорейтед», с которого всё началось. Я помню, как я пришёл сюда, мою встречу с мистером Макклейном. Затем два техника из лаборатории взяли меня и ввели мне какое-то снотворное.

Он почувствовал бешенство.

— Тебя помню, — грубо сказал он. — Например, что твоя грудь была покрашена тогда в синий цвет (это запало мне в голову). И я помню обещание мистера Макклейна, что, если визит во «Вспом. Инкорпорейтед» останется в моей памяти, я полностью получу свои деньги обратно. Где мистер Макклейн?

После некоторого ожидания (возможно, они старались, как могли, оттянуть эту встречу) он опять сидел в кабинете перед огромным письменным столом из орехового дерева, точно так, как это было час тому назад.

— Ну и методы у вас, — сказал ехидно Куэйл. Его разочарование и обида были теперь огромны. — Мое так называемое путешествие на Марс в качестве агента Интерплана представляется очень смутным и полным противоречий, но я ясно помню все свои переговоры с вами и вашими людьми. Вообще, мне бы лучше обратиться в Бюро по качеству.

Он вдруг разозлился, так как почувствовал, что его обманули, и его обычный страх перед публичными скандалами исчез.

Макклейн был мрачен и в то же время настороже.

— Мы сдаемся, Куэйл, — сказал он. — Мы отдадим все ваши деньги. Я полностью признаю тот факт, что мы ничего не смогли для вас сделать.

Его тон был сдержанным.

— Вы даже не снабдили меня различными предметами, которые, как вы говорили, должны служить «доказательствами», что я был на Марсе, — сказал Куэйл. — Все эти ваши прыжки и ужимки не дали ничего конкретного. Ни корешка от билета. Ни одной открытки. Ни справок о прививках. Ни...

— Послушайте, Куэйл, — сказал Макклейн. — Предположим я бы сказал вам... — Он вдруг замолчал. — Ну, пускай будет так. — Он нажал кнопку аппарата связи. — Ширли, снимите со счета ещё 570 поскредов и напишите чек на имя Дугласа Куэйла. Спасибо.

Он отпустил кнопку, затем посмотрел на Куэйла.

Вскоре появился чек, секретарша положила его на стол перед Макклейном и немедленно скрылась, оставляя наедине мужчин, которые всё ещё пристально смотрели друг на друга через массивный стол.

— Позвольте дать вам совет, — сказал Макклейн, подписывая чек и передавая его Куэйлу. — Ни с кем не обсуждайте ваш недавний полет на Марс.

Какой полет?

— Вот в том-то и дело, — продолжал Макклейн. — То путешествие, которое вы частично помните. Ведите себя так, как будто вы все забыли, притворитесь, что его вообще никогда не было. Не спрашивайте меня почему, просто воспользуйтесь моим советом, так будет лучше для всех нас. Ну, а теперь, мистер Куэйл, меня ждут дела и другие клиенты.

Он встал и проводил Куэйла до двери.

Открывая дверь, Куэйл сказал:

— Фирма, которая так плохо ведет дела, вообще не может иметь клиентов.

В машине по дороге домой Куэйл обдумывал свою жалобу в Бюро по качеству, отделение Земля. Как только он доберется до своей пишущей машинки, он сразу же примется за дело. Его долг предупредить других людей держаться подальше от «Вспом. Инкорпорейтед».

Приехав домой, он сразу же сел за свою пишущую машинку. Открыв ящик стола в поисках копировальной бумаги, он заметил там маленькую знакомую коробочку. Ту самую, в которую тщательно собирал марсианскую фауну, а затем провозил контрабандой через таможеню.

Открыв коробку, к своему изумлению, он увидел в ней шесть мертвых червей и несколько видов одноклеточных, которыми питались черви. Простейшие высохли и превратились в пыль, но он их узнал, потому что потратил целый день, собирая их среди огромных камней. Это было великолепное, полное открытий путешествие.

— Но я же не летал на Марс, — подумал он. — А с другой стороны...

В дверях комнаты показалась Кирстен, в её руках была сумка с покупками.

— Почему ты днем дома?

В полной тишине её голос звучал монотонно и обвиняюще.

— Я летал на Марс? — спросил он её. — Ведь ты должна была бы знать.

— Нет, конечно, не летал и ты это тоже знаешь. Разве ты не ноешь всё время о том, что хочешь туда попасть?

— Господи, но я думаю, что я уже был там. — Затем, помолчав, добавил — И в то же время я думаю, что там не был.

— Разберись...

— Как я могу? — Он начал размахивать руками. — В моей голове два типа памяти: одна — настоящая, другая — фальшивая. Но я не понимаю, какая из них подлинная, а какая — нет. Почему я не могу с тобой посоветоваться? Ведь над тобой они не работали?

По крайней мере она могла бы сделать для него хотя бы это.

Ровным сдержанным голосом Кирстен сказала:

— Дуг, если ты не прекратишь, у нас всё кончено. Я от тебя уйду.

— Я попал в беду, — его голос стал грубым и резким, начал дрожать. — Возможно, это как-то не так, но... всё быть может. Как-то всё это в конце концов объяснится.

Поставив сумку, Кирстен пошла к шкафу.

— Я не шучу, — сказала она спокойно. Вытащив из шкафа пальто, она надела его и пошла к входной двери. — Я позвоню тебе как-нибудь на днях, — сказала она безразлично. — А сейчас прощай, Дуг. Надеюсь, ты как-нибудь выкрутишься, желаю тебе этого. Ради тебя же самого.

— Подожди, — сказал он с отчаянием в голосе. — Только скажи мне, разъясни раз и навсегда: я был там или не был — скажи.

Но ведь они могли изменить и её память, вдруг осознал он.

Дверь закрылась, его жена ушла. Наконец!

Голос за его спиной сказал:

— Ну вот так. А теперь: руки вверх, Куэйл. И пожалуйста, повернитесь и смотрите в эту сторону.

Он инстинктивно повернулся, не поднимая рук.

Человек, которого он увидел перед собой, был в форме полиции Интерплана. Почему-то Куэйлу показалось, что он знает его, что

тот был ему знаком, но где и когда он его видел, вспомнить не мог. Память его была как-то искажена. Вздрогнув, он, наконец, поднял руки.

— Вы помните свое путешествие на Марс? — спросил полицейский. — Мы знаем все ваши действия сегодня и все ваши мысли. Особенно очень важные мысли по дороге домой из «Вспом. Инкорпорейтед». В ваш череп, — объяснил он, — вросли телепатопередатчик: он постоянно нас информирует.

Телепатический передатчик, созданный из живой памяти, открытой когда-то на Луне. Он содрогнулся от омерзения. Эта тварь живет внутри него, в его собственных мозгах, снабжая их информацией, подслушивая и донося на него. Интерплан использовал их для своих нужд, это была сущая правда.

— Почему именно я? — спросил Куэйл сиплым голосом. Что он сделал или о чем подумал? И какая связь со «Вспом. Инкорпорейтед»?

— В принципе, — сказал полицейский из Интерплана, — между «Вспом.» и вами нет никакой связи, но она есть между вами и нами. — Он постучал себя по правому уху. — Я всё ещё слежу за вашей мыслью через мозговой передатчик.

У него в ухе Куэйл увидел маленькую пластиковую пробку.

— Итак, я должен вас предупредить: всё, о чем вы думаете, может обернуться против вас. — Он улыбнулся. — Но не это сейчас важно: вы уже об этом думали и говорили в забытии. Нас, главным образом, волнует тот факт, что под воздействием наркидрин во «Вспом. Инкорпорейтед» вы рассказали техникам и владельцу, мистеру Макклейну, о вашем путешествии — куда вы ездили, для кого, кое-что о том, что вы делали. Они очень напуганы. Они жалеют, что познакомились с вами. — Затем он задумчиво добавил — И они правы.

— Я никогда никуда не ездил, — сказал Куэйл. — Это всего лишь цепь фальшивой памяти, неправильно заложенной в меня техниками Макклейна.

Но затем он вспомнил о коробке с марсианскими живыми организмами. И с каким трудом он собирал их. Память об этом была реальной. Да и сама коробка, ведь она реальная. Разве что Макклейн мог подбросить её? Возможно, это было одно из «доказательств», о котором он болтал.

«Память о моем путешествии на Марс, — подумал он, — меня не убеждает. Но к сожалению, она убедила полицейское агентство Интерплана. Они думают, что я действительно был на Марсе, и считают, что я частично осознаю это».

— Мы не только знаем, что вы были на Марсе, — сказал полицейский, отвечая на его мысли, — но и то, что теперь вы достаточно вспомнили, чтобы быть опасным для нас. Бесполезно стирать всё это из вашей памяти, потому что вы опять явитесь во «Вспом. Инкорпорейтед», и всё начнется сначала. Мы ничего не можем сделать с Макклеynom и его операцией, потому что обладаем юрисдикцией только над нашими людьми. Во всяком случае, Макклейн не совершил преступления. — Он пристально разглядывал Куэйла.

— Вы ведь шли во «Вспом. Инкорпорейтед» не для того, чтобы восстановить вашу память. Как и другие простые люди, вы искали приключений. Но, к сожалению, вы не простой, у вас и так было слишком много приключений, чтобы идти во «Вспом. Инкорпорейтед». Вы не могли сделать ничего более убийственного для вас и для нас. Да в этом случае — и для Макклейна.

— Почему это «опасно» для вас, если я буду помнить о моем путешествии — якобы путешествии? — спросил Куэйл.

— Потому что то, что вы там делали, не соответствует облику большого белого отца, который всех защищает, — ответил

полицейский Интерплана. — Вы сделали для нас то, что мы сами никогда не смогли бы сделать, о чем вы в настоящее время и вспомнили, благодаря наркидрину. Эта коробка с мертвыми червями и водорослями лежала у вас в столе шесть месяцев, с тех пор как вы вернулись на Землю. И вы ни разу не подумали о ней. Мы даже не знали, что она у вас есть, пока вы не вспомнили о ней по дороге из «Вспом. Инкорп.». Тогда мы поспешили сюда, чтобы взглянуть на неё. Но, к сожалению, не успели.

К нему присоединился другой полицейский Интерплана. Они стали о чем-то совещаться. А тем временем Куэйл задумался. Теперь он стал вспоминать другие эпизоды: полицейский был прав относительно наркидрин. Они в Интерплане, возможно, сами использовали его. Возможно? Он был уверен, что это так; он видел как его вводили заключенному. Где же это было? Где-то на Земле? Скорее на Луне, решил он. И из глубин его ущербной памяти стал возникать образ.

Он вспомнил ещё кое-что. Причину его посылки на Марс и ту работу, которую он там делал. Неудивительно что они стерли его память.

— О господи, — сказал первый полицейский, прерывая свой разговор с другим. Очевидно, он поймал мысль Куэйла. — Ну, теперь дело совсем осложняется, хуже некуда.

Он подошёл к Куэйлу, приставив к его груди оружие.

— Мы должны вас убить, — сказал он. Прямо здесь и сейчас.

— Зачем же здесь? — взволнованно спросил другой. — Разве мы не можем отвезти его в Интерплан в Нью-Йорке и передать им?

— Он знает, почему именно сейчас, — ответил первый.

Он тоже был взволнован, понял Куэйл, но совсем по другим причинам. Его память теперь почти полностью восстановилась. И он прекрасно понимал напряжение офицера.

— На Марсе, — сказал хриплым голосом Куэйл, — я убил человека, обойдя пятнадцать его телохранителей. Некоторые из них были вооружены тем же оружием, что и вы.

В течение пяти лет его тренировали в Интерплане, делая из него профессионального убийцу. Он знал способы устранения вооруженных противников, подобных этим двум полицейским. И тот, у которого был подслушивающий аппарат, тоже знал это.

Что если он быстро отскочит?

Пистолет выстрелил. Но он уже отскочил, одновременно сбивая с ног полицейского с пистолетом. Через мгновение он овладел оружием и приставил его к груди другого.

— Он подслушал мои мысли, — сказал Куэйл, задыхаясь. — Он знал, что я собираюсь делать, но я всё-таки одолел его.

Приподнимаясь с полу, полицейский простонал:

— Он не сможет использовать это оружие против тебя, Сэм, я его прослушиваю. Он знает, что с ним всё кончено, и он знает, что мы это знаем тоже. Будет вам, Куэйл!

Простонав от боли, он медленно поднялся и протянул руку.

— Оружие, — сказал он Куэйлу. — Вы не выстрелите. Если вы вернете оружие, гарантирую, что не буду вас убивать. Вас выслушают, и кто-нибудь важнее Интерплана будет решать вашу дальнейшую судьбу, а не я. Быть может, это ещё сильнее сотрет вашу память, я не знаю. Но вы знаете, за что я собирался вас убить. Я не мог удержать вас от ваших воспоминаний. Причина, по которой я хотел вас уничтожить, в каком-то смысле осталась уже в прошлом.

Сжимая оружие, Куэйл бросился из квартиры, направляясь к лифту. (Если вы пойдете за мной, подумал он, я вас убью. Лучше оставайтесь на местах.)

Он нажал кнопку лифта и через минуту уже ехал вниз.

Полицейские не последовали за ним. Очевидно, они услышали его краткие напряженные мысли и решили не рисковать. Но что делать дальше? Куда идти?

Выйдя из лифта, он сразу же очутился на улице, смешавшись с толпой пешеходов. Его подташнивало, и болела голова. Но, по крайней мере, он избежал смерти, они собирались его убить прямо на месте, в собственной квартире.

И, возможно, они опять будут пытаться это сделать, решил он, когда меня найдут. А с передатчиком в башке это скоро случится.

Как ни смешно, но он получил именно то, о чем просил «Вспом. Инкорпорейтел». Приключения, гибель, преследование полицией Интерплана, тайный, полный опасностей полет на Марс, где его жизнь была поставлена на карту — всё это он хотел приобрести, благодаря фальшивой памяти. Только теперь он оценил её преимущества, ведь это была бы просто память, и ничего больше.

Сидя на скамейке в парке, он тупо наблюдал за стаей птиц. Это были полуптицы, завезенные сюда с марсианских лун. Они были способны на космический полет и могли преодолевать даже огромное земное притяжение.

— Может быть я смогу вернуться на Марс, — подумал он. — А что потом? На Марсе может оказаться ещё хуже: политическая организация, лидера которой я убил, обнаружит меня, как только я выйду из межпланетного корабля. Тогда за мной будут охотиться и Интерплан, и они.

«Вы слышите о чем я думаю?» — поинтересовался Дуглас.

Так можно было сойти с ума. Сидя в одиночестве, он чувствовал, как они настраивались на него, проверяли, записывали и обсуждали... Он содрогнулся, встал и бесцельно побрел. «Не важно

куда я иду, вы всегда будете со мной. Пока в моих мозгах сидит это устройство».

Я разделаюсь с вами, подумал он для того, чтобы его услышали. Сможете ли вы опять вложить в меня фальшивую память, как вы делали до этого, чтобы я снова стал средним обывателем и прозябал в этой жизни, и никогда бы не летал на Марс, и никогда не носил формы Интерплана, и не держал в руках оружия?

Голос в его голове ответил: «Вам уже объяснили: теперь этого было бы недостаточно».

Он остановился от удивления.

— Мы так связывались с вами и раньше, — продолжал голос. — Когда вы работали на Интерплан на Марсе. Прошли месяцы с того времени, как мы выходили на связь в последний раз. Вообще-то мы думали, что нам это больше никогда не понадобится. Где вы находитесь?

— Иду, — сказал Куэйл, — за своей смертью. «От вашего оружия», — добавил он в мыслях.

— Почему вы считаете, что теперь этого было бы недостаточно? — спросил он. — Разве методы «Вспом.» не действуют?

— Как мы уже сказали, если вам дать набор стандартной средней памяти, вы будете... беспокоиться. И неизбежно придете во «Вспом.» или в другую подобную фирму. Вы не можете пройти через это второй раз.

— Предположим, — сказал Куэйл, — что моя подлинная память аннулирована. Тогда было бы лучше насадить какие-нибудь более живые воспоминания, а не просто стандартные. Что-нибудь такое, что удовлетворяло бы мое стремление к приключениям. Ведь ясно, что вы наняли меня именно поэтому. Вам следовало бы подобрать мне что-либо подходящее. Например, воспоминания о том, что я был самым богатым человеком на Земле, но затем отдал все свои

деньги в фонд образования. Или что я был знаменитым исследователем космического пространства. Что-нибудь в этом роде. Разве это не подошло бы?

Наступило молчание.

— Попробуйте, — сказал он с отчаянием в голосе. — Заставьте одного из ваших ведущих психиатров исследовать мой мозг... Найдите мою самую заветную мечту. — Он пытался подумать. Женщины, их тысячи, как у Дон Жуана. Межпланетный плейбой — девушки в каждом городе на Земле, Луне и Марсе. Но я их всех бросил. Слишком утомительно. — Пожалуйста, — молил он, — попробуйте.

— Тогда вам нужно добровольно сдаться, — сказал голос внутри него. — Мы согласимся на это, если конечно, это возможно.

— Да. Я рискну поверить в то, что вы меня не убьёте, — ответил он после паузы.

— Сделайте первый шаг, — сказал голос, — приходите к нам. И мы найдем возможный вариант. Но если мы не сможем сделать этого, если ваша подлинная память начнет, как это уже было, вылезать, то тогда... — Наступило молчание, затем голос продолжил — Мы должны будем вас уничтожить, как вы понимаете. Ну, Куэйл, вы всё ещё хотите попробовать?

— Да, — сказал он. Потому что альтернативой была верная смерть. По крайней мере, у него была надежда, хотя и очень слабая.

— Приезжайте в главное здание в Нью-Йорке, — сказал голос полицейского из Интерплана. — Дом № 580 на Пятой авеню, 12-й этаж. Как только вы сдадитесь, наши психиатры начнут с вами работать: мы сделаем тесты на облик вашей личности. Мы попытаемся определить вашу конечную фантастическую мечту — затем мы привезем вас во «Вспом. Инкорпорейтед», расскажем им о ней и воплотим её в суррогат памяти. Ну, желаем удачи. Всё-таки мы ваши должники. Вы были хорошим орудием в наших руках.

В голосе не было злости. Несмотря ни на что они испытывали к нему симпатию.

— Благодарю, — сказал Куэйл и начал искать такси-робота.

• • •

— Мистер Куэйл, — сказал пожилой серьезный психиатр из Интерплана, — у вас интереснейшая мечта-фантазия. Ничего такого, о чем вы сознательно мыслите или даже способны предположить. Это, конечно, выход, и я надеюсь, вас не очень расстроит, когда вы о ней узнаете.

Присутствовавший здесь же старший офицер Интерплана быстро и порывисто сказал:

— Он не будет расстраиваться, ведь он же не хочет быть убитым.

— Это не похоже на вашу мечту быть агентом Интерплана, — продолжал психиатр, — которая, собственно говоря, является продуктом вашего зрелого возраста. А эта — продукт вашего детства, неудивительно, что вы не можете восстановить её в памяти. Ваша фантазия такова: вам девять лет, вы идете по деревенской улице. Вдруг перед вами приземляется неизвестный космический корабль из другой галактики. Кроме вас, мистер Куэйл, никто на Земле его не видит. Существа, находящиеся в нем, очень маленькие и беззащитные, что-то вроде полевых мышей, но они хотят завоевать Землю, как только этот первый корабль подаст им сигнал.

— И предполагается, что я остановлю их, — сказал Куэйл, испытывая смешанное чувство изумления и отвращения. — Я сотру их голыми руками в порошок. Или растопчу их ногой.

— Нет, — терпеливо отвечал психиатр. — Вы остановите захватчиков, не разрушая их. Вместо этого вы будете добры и милосердны, затем путем телепатии — это их способ общения — вы узнаете их цель. Раньше они никогда не встречали таких человеческих черт в других чувствующих организмах, и чтобы выразить свою признательность, они заключат с вами договор.

— Они не нападут на Землю, пока я жив? — спросил Куэйл.

— Совершенно верно.

Офицеру Интерплана он сказал:

— Вот видите, это вписывается в его личность, несмотря на его показное презрение.

— Итак, лишь одним своим существованием, — сказал Куэйл, чувствуя как растет в нем удовольствие, — только потому, что я живу, я охраняю Землю от пришельцев. В таком случае, я становлюсь важной персоной на Земле, не пошевелив даже пальцем.

— Вот именно, сэр, — сказал психиатр. — И это основа вашей психики, это ваша извечная детская фантазия, которую без глубинной лекарственной терапии вы бы никогда не вспомнили. Но она всегда жила в вас, хотя и ушла в подсознание.

— Сможете ли вы имплантировать такую необычную модель сверхфактической памяти? — спросил старший офицер Макклейна, который тоже внимательно слушал психиатра.

— Мы изготавливаем любые типы памяти, — сказал Макклейн. — Честно говоря, я слышал и похуже. Ну, конечно, мы её сделаем. Через двадцать четыре часа он не будет желать спасти Землю, он будет фанатично верить, что это действительно произошло.

— Тогда начинайте работу, — сказал офицер. — В качестве подготовки мы уже стерли его память о полете на Марс.

— О каком полете? — спросил Куэйл.

Ему никто не ответил, вопрос так и повис в воздухе.

Тут появилась скоростная полицейская машина, они сели в неё и помчались по направлению к Чикаго во «Вспом. Инкорпорейтед».

— На этот раз вам лучше не ошибаться, — сказал в машине офицер взволнованному, нахохлившемуся Макклею.

— Не вижу, как это могло бы случиться, — пробормотал тот, покрывшись испариной. — Теперь нет никакой связи с Марсом и Интерпланом. Всего-навсего голыми руками остановить вторжение на Землю пришельцев из другой галактики. — Он покачал головой. — Ну и мечты бывают у детей! Да ещё путем добродетелей, а не силой. В этом есть что-то утонченное.

Он вытер пот большим льняным платком. Все молчали.

— В общем, это трогательно, — сказал Макклею.

— Заносчиво и самонадеянно, — резко ответил офицер. — Ведь как только он умрет, сразу же начнется вторжение. Неудивительно, что он не вспоминает об этом: это самая грандиозная фантазия, которую я когда-либо слышал. — Он неодобрительно рассматривал Куэйла. — Подумать только, и мы нанмали этого человека к себе на работу.

Когда они приехали во «Вспом. Инкорпорейтед», секретарша Ширли встретила их, затаив дыхание.

— Добро пожаловать, мистер Куэйл, — защебетала она, её круглые груди были покрашены в ярко-оранжевый цвет и вздымались от волнения. — Извините, в прошлый раз всё так плохо вышло. Сегодня, я уверена, всё будет хорошо.

Всё ещё прикладывая носовой платок к блестящему лбу, Макклею бормотал: «Лучше, лучше».

Двигаясь с необычной быстротой, он вызвал Лова и Килера и отправил их вместе с Куэйлом в рабочие помещения, а затем вернулся обратно и вместе с Ширли и полицейским и стал ждать.

— У вас есть пакет специально для этого случая, мистер Макклейн?

— спросила Ширли, в волнении натываясь на него и краснея.

— Думаю, что есть. — Он попытался что-то вспомнить, затем решил взглянуть в картотеку. — Комбинация из пакетов № 81, № 20 и № 6.

Из углубления за письменным столом он вытащил нужные пакеты и понес их на стол.

— Из № 81,— сказал Макклейн, — мы дадим ему магический целебный жезл, который подарили ему, то есть пациенту, в нашем случае мистеру Куэйлу, пришельцы из другой галактики в знак своей благодарности.

— А он действует? — поинтересовался офицер.

— Когда-то действовал, — объяснил Макклейн. — Но он, видите ли, он лечил всех направо и налево, вот и израсходовал его за эти годы. Теперь целебный жезл — только воспоминание. Но он помнит, как прекрасно он работал раньше.

Он захихикал, затем открыл пакет № 20.

— Документ от Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, он благодарит его за спасение Земли (но это не точно соответствует фантазии Куэйла, потому что согласно ей только он знает о вторжении на Землю). Но ради правдоподобия, мы и это сунем.

Затем он исследовал содержимое пакета № 6.

— Что можно взять отсюда? — Он не мог вспомнить, нахмурившись, рылся в пластиковом пакете, а Ширли и офицер внимательно наблюдали за ним.

— Письмо, — сказала Ширли, — на странном языке.

— В нем говориться, кто они такие, — подхватил Макклейн, — и откуда прилетели, включая подробную карту звездного неба с маршрутом их полета из другой галактики. Конечно, это все на их языке, поэтому он не может прочесть. Но он помнит, как они читали ему письмо на его родном языке.

Он положил три предмета на середину стола.

— Они будут доставлены в квартиру Куэйла, — сказал он офицеру.
— Он придет домой и найдет их, что и будет подтверждением его фантазии. СОП — стандартная операционная процедура, — Он засмеялся, думая о том, как идут дела у Лова и Килера. Загудел аппарат связи.

— Мистер Макклейн, извините, что беспокою, — это был голос Лова. Он узнал его и застыл от ужаса... — Тут что-то происходит. Пожалуй, лучше вам прийти. Как и в прошлый раз, Куайл хорошо отреагировал на наркидрин. Но...

Макклейн сорвался с места.

Дуглас Куайл лежал на кровати с закрытыми глазами, медленно и регулярно дыша, смутно осознавая присутствие посторонних.

— Мы начали его расспрашивать, — произнес Лоу с побелевшим от ужаса лицом. — Нам необходимо было точно определить место для наложения лжепамяти. И вот...

— Они велели мне молчать, — пробормотал Куайл слабым голосом. — Я и помнить-то не должен был. Но как можно забыть такое?

Да, такое трудно сделать, подумал Макклейн. Но тебе удавалось — до сих пор.

— Мне подарили в благодарность документ, на их языке, — шептал Куайл. — Он спрятан у меня дома; я покажу вам.

— Советую не убивать его, — сказал Макклейн вошедшему офицеру. — Иначе они вернуться...

— И невидимую волшебную палочку-уничтожительницу — продолжал бормотать Куайл. — Так я убил того человека на Марсе, выполняя задание Интерплана. Она лежит в ящике стола, вместе с коробкой пузырчатых червей.

Офицер молча повернулся и вышел из комнаты.

Все эти «вещественные доказательства» можно убрать на место, подумал Макклейн. Включая благодарность от Генерального секретаря ООН. В конце концов...

Скоро последует настоящая.

• • •

Филип Дик.

ВТОРАЯ МОДЕЛЬ.

Русский солдат с винтовкой наперевес пробирался вверх по вздыбленному взрывами склону холма. Он то и дело беспокойно озирался и облизывал пересохшие губы. Время от времени он поднимал руку в перчатке и, отгибая ворот шинели, вытирал с шеи пот.

Эрик повернулся к капралу Леонэ.

— Не желаете, капрал? А то могу и я, — он настроил прицел так, что заросшее щетиной мрачное лицо русского как раз оказалось в перекрестии окуляра.

Леонэ думал. Русский был уже совсем близко, и он шёл очень быстро, почти бежал.

— погоди, не стреляй. По-моему, это уже не нужно.

Солдат наконец достиг вершины холма и там остановился, тяжело дыша и лихорадочно осматриваясь. Серые плотные тучи пепла почти полностью заволокли небо. Обгорелые стволы деревьев да торчащие то тут, то там желтые, словно черепа, остовы зданий — вот и всё, что осталось на этой голой мертвой равнине.

Русский вел себя очень беспокойно. Он начал спускаться с холма и теперь уже был в нескольких шагах от бункера. Эрик засуетился; он вертел в руке пистолет и не сводил глаз с капрала.

— Не волнуйся, — успокаивал Леонэ. — Он сюда не попадет. О нем сейчас позаботятся.

— Вы уверены? Он зашёл слишком далеко.

— Эти штуковины сшиваются у самого бункера, так что скоро всё будет кончено.

Русский спешил. Скользя и увязая в толстом слое пепла, он старался удержать равновесие. На мгновение он остановился и поднес к глазам бинокль.

— Он смотрит прямо на нас, — произнес Эрик.

Солдат двинулся дальше. Теперь они могли внимательно рассмотреть его. Как два камешка — холодные голубые глаза. Рот слегка приоткрыт. Небритый подбородок. На худой грязной щеке — квадратик пластыря, из-под которого по краям виднеется что-то синее, должно быть, лишай. Рваная шинель; лишь одна перчатка. Когда он бежал, счетчик радиации подпрыгивал у него на поясе.

Леонэ коснулся руки Эрика.

— Смотри, один уже появился.

По земле, поблескивая металлом в свете тусклого дневного солнца, двигалось нечто необычное, похожее на металлический шар. Шарик быстро поднимался, упруго подпрыгивая, по склону холма. Он был очень маленький, ещё детеныш. Русский услышал шум, мгновенно развернулся и выстрелил. Шар разлетелся вдребезги. Но уже появился второй. Русский выстрелил вновь.

Третий шарик, жужжа и щелкая, впился в ногу солдата, потом забрался на плечо, и длинные вращающиеся лезвия, похожие на когти, вонзились в горло жертвы.

Эрик облегченно вздохнул.

— Да... От одного вида этих чертовых роботов меня в дрожь бросает. Иногда я думаю, что лучше бы было обходиться без них.

— Если бы мы не изобрели их, изобрели бы они. — Леонэ нервно закурил. — Хотелось бы знать, почему русский шёл один? Его никто не прикрывал.

В бункер из тоннеля пролез лейтенант Скотт.

— Что случилось? Кого-нибудь обнаружили?

— Опять Иван.

— Один?

Эрик повернул экран к лейтенанту. На экране было видно, как по распростёртому телу, расчлняя его, ползали многочисленные шары.

— О Боже! Сколько же их... — пробормотал офицер.

— Они как мухи. Им это ничего не стоит.

Скотт с отвращением оттолкнул экран.

— Как мухи. Точно. Но зачем он сюда шёл? Они же прекрасно знают про «когти» («крикуны»).

К маленьким шарам присоединился робот покрупнее. Он руководил работой, вращая длинной широкой трубкой, оснащенной парой выпуклых линз. «Когти» стаскивали куски тела к подножию холма.

— Сэр, — сказал Леонэ, — если вы не возражаете, я хотел бы вылезти и посмотреть на то, что осталось.

— Зачем?

— Может, он не просто так шёл.

Лейтенант задумался и наконец кивнул.

— Хорошо. Только будьте осторожны.

— У меня есть браслет. — Леонэ погладил металлический браслет, стягивающий запястье. — Я не буду рисковать.

Он взял винтовку и, пробираясь, низко пригнувшись, между железобетонными балками и стальной арматурой, выбрался из бункера. Наверху было холодно. Ступая по мягкому пеплу, он приближался к останкам солдата. Дул ветер и запорашивал пеплом глаза. Капрал прищурился и поспешил вперед.

При его приближении «когти» отступили. Некоторые из них застыли, словно парализованные. Леонэ прикоснулся к браслету. Иван многое бы отдал за эту штуку!

Слабое проникающее излучение, исходящее от браслета, нейтрализовывало «когти», выводило их из строя. Даже большой робот с двумя подрагивающими глазами-линзами с почтением отступил, когда Леонэ подошёл поближе.

Капрал склонился над трупом. Рука в перчатке была сжата в кулак. Леонэ развел в стороны пальцы. На ладони лежал ещё не потерявший блеска запечатанный алюминиевый тубик.

Леонэ сунул его в карман и с теми же предосторожностями вернулся в бункер. Он слышал, как за его спиной ожили роботы. Работа возобновилась: металлические шары мерно покатались по серому пеплу, перетаскивая добычу. Слышно было, как их гусеницы скребут по земле.

Скотт внимательно рассматривал блестящий тубик.

— Это у него было?

— В руке, — ответил Леонэ, откручивая колпачок. — Может, вам следовало бы взглянуть на это, сэр?

Скотт взял тубик и вытряс его содержимое на ладонь. Маленький, аккуратно сложенный кусочек шелковистой бумаги. Лейтенант сел поближе к свету и развернул листок.

— Что там, сэр? — спросил Эрик.

В тоннеле появилось несколько офицеров во главе с майором Хендриксом.

— Майор, — обратился к начальнику Скотт, — взгляните.

Хендрикс прочитал.

— Откуда это? Когда?

— Солдат-одиночка. Только что.

— Где он сейчас? — резко спросил майор.

— «Когти», сэр.

Майор Хендрикс что-то недовольно пробурчал, а затем, обращаясь к своим спутникам, произнес:

— Я думаю, что это как раз то, чего мы ожидали. Похоже, они стали сговорчивее.

— Значит, они готовы вести переговоры, — сказал Скотт. — И мы начнем их?

— Это не нам решать. — Хендрикс сел. — Где связист? Мне нужна Лунная база.

Связист осторожно установил антенну, тщательно сканируя небо над бункером, чтобы удостовериться в отсутствии русских спутников-шпионов.

— Сэр, — сказал, обращаясь к майору, Скотт, — странно, что они именно сейчас согласились на переговоры. У нас «когти» уже почти год. И теперь... Так неожиданно.

— Может быть, эти штуковины добрались до их укрытий.

— Большой робот, тот что с трубочками, на прошлой неделе залез к Иванам в бункер, — сказал Эрик. — Они не успели захлопнуть крышку люка, и он один уничтожил целый взвод.

— Откуда ты знаешь?

— Приятель рассказал. Робот вернулся с трофеями.

— Лунная база, сэр, — крикнул связист.

На экране появилось лицо дежурного офицера. Его аккуратная форма резко контрастировала с формой собравшихся в бункере людей. К тому же он был ещё и чисто выбрит.

— Лунная база.

— Это командный пункт группы Л-14. Земля. Дайте генерала Томпсона.

Лицо дежурного исчезло. Вскоре на экране возникло лицо генерала.

— В чем дело, майор?

— «Когти» перехватили русского с посланием. Мы не знаем, стоит ли этому посланию верить — в прошлом уже бывало нечто подобное.

— Что в нем?

— Русские предлагают послать к ним нашего офицера для переговоров. О чем пойдет речь, они не сообщают, но утверждают, что это не терпит отлагательства. Они настоятельно просят начать переговоры.

Майор поднес листок к экрану, чтобы генерал мог лично ознакомиться с текстом.

— Что нам делать? — спросил Хендрикс.

— Пошлите кого-нибудь.

— А вдруг это ловушка?

— Всё может быть. Но они точно указывают местоположение их командного пункта. В любом случае надо попробовать.

— Я пошлю человека. Как только он вернется, я доложу вам о результатах встречи.

— Хорошо, майор.

Экран погас. Антенна начала медленно опускаться.

Хендрикс задумался.

— Я пойду, — подал голос Леонэ.

— Они хотят видеть кого-нибудь из высоких чинов. — Хендрикс потер челюсть. — Я не был наверху уже несколько месяцев. Немного свежего воздуха мне не помешало бы.

— Вам не кажется, что это слишком рискованно?

Хендрикс прильнул к обзорной трубе. От русского почти ничего не осталось. Последний «коготь» сворачивался, прячась под толстым слоем пепла. Отвратительный железный краб...

— Эти машинки — единственное, что меня беспокоит. — Он коснулся запястья. — Я знаю, что пока со мной браслет, Яне ничего не грозит, но в этих роботах есть нечто злое. Я ненавижу их. В них что-то не так. Наверное, их безжалостность.

— Если бы не мы изобрели их, изобрели бы Иваны.

— Как бы то ни было, похоже, что мы выиграем войну. И я думаю, что это хорошо.

Он посмотрел на часы.

— Ладно. Пока не стемнело, надо бы до них добраться.

Он глубоко вздохнул и ступил на серую взрытую землю, закурил и потом какое-то время стоял, оглядываясь по сторонам. Всё мертво. Ни малейшего движения. На многие мили — лишь бесконечные поля пепла и руины. Да ещё редкие почерневшие стволы деревьев. А над ними — нескончаемые серые тучи, не спеша плывущие между Землей и Солнцем.

Майор Хендрикс начал подниматься по склону холма. Справа от него что-то быстро пронеслось, что-то круглое и металлическое. «Коготь» гнался за кем-то. Наверное, за крысой. Крысы они тоже ловят. Своего рода побочный промысел.

Он забрался на вершину и поднес к глазам бинокль. Окопы русских лежали впереди, в нескольких милях от него. Там у них командный пункт. Гонец пришёл оттуда.

Мимо, беспорядочно размахивая конечностями, прошествовал маленький неуклюжий робот. Он исчез где-то среди обломков, похоже, шёл по своим делам. Майор таких ещё не видел. Незвестных ему разновидностей роботов становилось всё больше и больше: новые типы, формы, размеры. Подземные заводы работали в полную силу.

Хендрикс выплюнул сигарету и отправился дальше. Создание роботов-солдат было вызвано острой необходимостью. Когда же это началось? Советский Союз в начале военных действий добился внушительного успеха. Почти вся Северная Америка была стерта с лица Земли. Конечно, возмездие последовало незамедлительно. Задолго до начала войны в небо были запущены диски-бомбардировщики. Они ждали своего часа, и бомбы посыпались на Советы в первые же часы войны.

Но Вашингтону это уже помочь не могло. В первый же год войны американское правительство вынуждено было перебраться на Луну. На Земле делать было больше нечего. Европы не стало — горы шлака, пепла и костей, поросшие черной травой. Северная Америка находилась в таком же состоянии. Несколько миллионов жителей оставалось в Канаде и Южной Америке. Но на втором году войны на Американский континент начали высаживаться советские парашютисты; сначала их было немного, потом всё больше и больше. Русские к тому времени изобрели первое действительно эффективное противорадиационное снаряжение. Остатки

американской промышленности были срочно переправлены на Луну.

Эвакуировано было всё и вся. Кроме войск. Они делали всё, что представлялось возможным. Где — несколько тысяч, где — взвод. Никто не знал их точного расположения. Они скрывались, передвигаясь ночами, прячась среди развалин, в сточных канавах, подвалах, вместе с крысами и змеями. Казалось, что ещё немного и Советский Союз победит в этой войне. Не считая редких ракет, запускаемых с Луны, против русских нечем было воевать. Они ничего не боялись. Война практически была окончена. Им уже ничто не противостояло.

Вот именно тогда и появились первые «когти». И за одну ночь всё перевернулось.

Поначалу роботы были несколько неуклюжи и не очень подвижны. Стоило им только появиться на поверхности — Иваны их почти сразу уничтожали. Но со временем роботы совершенствовались, становились расторопнее и хитрее. Их массовое производство началось на расположенных глубоко под землей заводах, некогда выпускавших атомное оружие и к тому времени практически заброшенных.

«Когти» становились подвижнее и крупнее. Появились новые разновидности: с чувствительными щупальцами, летающие, прыгающие. Там, на Луне, лучшие умы создавали всё новые и новые модели, более сложные и непредсказуемые. У русских прибавилось хлопот. Некоторые мелкие «когти» научились искусно зарываться в пепел, поджидая добычу.

А вскоре они стали забираться в русские бункера, проворно проскальзывая в открытые для доступа свежего воздуха или для наблюдений люки. Одного такого робота в бункере вполне достаточно. Как только туда попадает один, за ним сразу же следуют другие.

С таким оружием война долго продолжаться не может.

А может быть, она уже и закончилась.

Может, ему предстоит это вскоре услышать. Может, Политбюро решило выбросить белый флаг. Жаль, что для этого потребовалось столько времени. Шесть лет! Огромный срок для такой войны. Чего только не было: сотни тысяч летающих дисков, несущих смерть; зараженные бактериями кристаллы; управляемые ракеты, со свистом пронзающие воздух; кассетные бомбы. А теперь ещё и «когти».

Но роботы имеют одно огромное отличие от известных ранее видов вооружения. Они живые, с какой стороны не посмотри, независимо от того, хочет ли правительство признавать это или нет.

Это не машины. Это живые существа, вращающиеся, ползающие, выпрыгивающие из пепла и устремляющиеся к приближающемуся человеку с одной-единственной целью — впиться в его горло. Это именно то, что от них требуется. Это их работа.

И они отлично справляются с ней. Особенно в последнее время, когда появились новые модели. Теперь они ремонтируют сами себя и сами по себе существуют. Радиационные браслеты защищают американские войска, но стоит человеку потерять браслет — он становится игрушкой этих тварей, независимо от того, в какую форму одет. А глубоко под землей заводы-автоматы продолжают работу. Люди стараются держаться подальше от них. Там стало слишком опасно. В результате подземные производства предоставлены сами себе и, кажется, неплохо справляются. Новые модели, они — более быстрые, более сложные, а главное, ещё более эффективные.

Вероятно, они и выиграли войну.

• • •

Хендрикс снова закурил. Удручающий пейзаж. Ничего, только пепел и руины. Ему вдруг показалось, что он один, один во всём мире. Справа от него возвышались развалины города — остовы зданий, разрушенные стены, горы хлама. Хендрикс бросил погасшую спичку и прибавил шагу. Внезапно он остановился и, вскинув карабин, замер. Прошла минута.

Откуда-то из-под обломков здания появилась неясная фигура и медленно, то и дело останавливаясь, направилась к Хендриксу.

Майор прицелился.

— Стой!

Мальчик остановился. Хендрикс опустил карабин. Ребенок маленького роста, лет восьми — правда, теперь возраст определить очень трудно, дети, пережившие этот кошмар, перестали расти — стоял молча и внимательно рассматривал майора. На нем были короткие штанишки и измазанный грязью выцветший голубой свитер. Длинные каштановые волосы спутанными прядями падали на лицо, закрывая глаза. В руках он что-то держал.

— Что это у тебя? — грозно спросил Хендрикс.

Малыш вытянул руки. Это была игрушка — маленький плюшевый медвежонок. Огромные безжизненные глаза ребенка смотрели на Хендрикса.

Майор успокоился.

— Мне не нужна твоя игрушка, малыш. Не бойся.

Мальчик снова крепко прижал к груди медвежонка.

— Где ты живешь? — спросил Хендрикс.

— Там.

— В развалинах?

— Да.

— Под землей?

— Да.

— Сколько вас там?

— Сколько нас?

— Да. Сколько вас? Есть там кто-нибудь ещё?

Мальчик молчал.

Хендрикс нахмурился.

— Но ты же не один, правда?

Мальчик кивнул.

— Как же вы живете?

— Там есть еда.

— Какая еда?

— Разная.

Хендрикс внимательно посмотрел на него.

— Сколько же тебе лет, малыш?

— Тринадцать.

Это невозможно. Хотя... Мальчик очень худой, маленького роста и, вероятно, стерилен. Последствия длительного радиационного облучения. Ничего удивительного, что он такой крошечный. Майор присел на корточки и посмотрел ребенку в глаза. Большие глаза, большие и темные, но пустые.

— Ты слепой? — спросил Хендрикс.

— Нет. Я немного вижу.

— Как тебе удастся ускользнуть от «когтей»?

— «Когтей»?

— Ну, такие круглые штуковины. Они прячутся в пепле и быстро бегают.

— Не понимаю.

Возможно, здесь «когтей» не было. Довольно большие пространства свободны от них. Они собираются, главным образом, вокруг бункеров и выходов из тоннелей, то есть там, где есть люди. Их такими создали. Они чувствуют тепло, тепло живых существ.

— Тебе повезло, — вставая, сказал Хендрикс. — Ну? Куда же ты направляешься? Опять туда?

— Можно я пойду с вами?

— Со мной? — переспросил Хендрикс, сложив на груди руки. — Мне много надо пройти. Много миль. И я должен спешить. — Он взглянул на часы. — Мне надо попасть туда до темноты.

— Но мне так хочется пойти с вами.

Хендрикс начал копать в ранце.

— Зачем тебе это? Не стоит. Вот, возьми лучше. — Он вытащил несколько банок консервов и протянул их мальчику. — Бери и беги обратно. О'кэй?

Мальчик ничего не ответил.

— Послушай. Через день-два я буду возвращаться, и если ты будешь здесь, ты сможешь пойти со мной. Договорились?

— Мне хотелось бы сейчас пойти с вами.

— Это долгий путь.

— Я справлюсь.

Хендриксу было о чем подумать. Двое идущих — очень приметны. И потом идти придется гораздо медленней. Но что, если он

вынужден будет возвращаться другим путем? Что, если мальчик действительно совсем один?..

— Хорошо. Идем, малыш.

Майор зашагал вперед. Ребенок не отставал, шёл молча, прижимая к груди медвежонка.

— Как тебя зовут? — немного погодя спросил Хендрикс.

— Дэвид Эдвард Дэрринг.

— Дэвид? Что... что случилось с твоими родителями?

— Умерли.

— Как?

— Взрывом убило.

— Когда это произошло?

— Шесть лет назад.

Услышав это, Хендрикс даже приостановился.

— И все шесть лет ты совсем один?

— Нет. Здесь были ещё люди, но потом они ушли.

— И с тех пор ты один?

— Да.

Хендрикс посмотрел на мальчика. Станный какой-то ребенок, говорит очень мало. Замкнутый. Но они такие и есть, дети, которым удалось выжить. Спокойные. Безразличные. Война превратила их в фаталистов. Они ничему не удивляются. Они принимают всё как есть. Они уже ни морально, ни физически не ждут чего-либо обыкновенного, естественного. Обычай, привычки, воспитание... Для них этого не существует. Всё ушло, остался лишь страшный горький опыт.

— Ты успеваешь за мной? — спросил Хендрикс.

— Да.

— Как ты увидел меня?

— Я ждал.

— Ждал? — удивился майор. — Чего же?

— Поймать что-нибудь.

— Что значит что-нибудь?

— Что-нибудь, что можно съесть.

— О! — Хендрикс сжал губы. Тринадцатилетний мальчишка, питающийся крысами, сусликами, полусгнившими консервами. Один в какой-нибудь зловонной норе, под развалинами города. Радиация, «когти», русские ракеты, заполонившие небо...

— Куда мы идем? — неожиданно поинтересовался Дэвид.

— К русским.

— Русские?

— Да, враги. Мы идем к людям, которые начали войну. Они первые сбросили бомбы. Они первые начали.

Малыш кивнул.

— Я — американец, — зачем-то сказал Хендрикс.

Малыш молчал. Так они и шли, ребенок и взрослый; Хендрикс — чуть впереди, Дэвид, прижимая к груди грязного плюшевого медвежонка, старался не отставать от него.

Около четырех часов дня они остановились, чтобы подкрепиться. В нише, образованной бетонными глыбами, майор развел костер. Он надергал травы и набрал немного сухих веток. Позиции русских уже недалеко. Здесь когда-то была плодородная долина — сотни

акров фруктовых деревьев и виноградников. Сейчас ничего не осталось, только обуглившиеся пни и горы, цепью вытянувшиеся до самого горизонта. И ещё пепел, гонимый ветром и покрывающий толстым ровным слоем черную траву, уцелевшие стены и то, что раньше было дорогой.

Хендрикс приготовил кофе и подогрел баранью тушенку.

— Держи, — он протянул банку и кусок хлеба Дэвиду. Малыш сидел на корточках у самого огня, словно желая согреть худые белые коленки. Он посмотрел на еду и, качая головой, вернул всё майору.

— Нет.

— Нет? Ты не хочешь есть?

— Нет.

Хендрикс пожал плечами. Может, мальчик — мутант и привык к особой пище. Хотя, это не важно. Он же, наверное, Питается чем-то, когда голоден. Да, он очень странный. Но в этом мире уже всё стало таким. Сама жизнь уже не та, что была прежде, и ту жизнь уже не вернуть. Рано или поздно человечеству придется понять это.

— Как хочешь, — ответил Хендрикс и, запивая кофе, съел весь хлеб и тушенку.

Ел он не спеша, тщательно пережевывая пищу. Покончив с едой, он встал и затоптал костер.

Дэвид поднялся вслед за Хендриксом, не сводя с него безжизненных глаз.

— Идем дальше, малыш.

— Я готов.

Они снова двинулись в путь. Хендрикс держал наготове карабин. Русские должны быть где-то рядом. Они должны ждать гонца,

гонца с ответом на их предложение, но они очень хитры. От них всегда можно ожидать какой-нибудь гадости. Хендрикс внимательно оглядывался по сторонам. Только мусор, пепел и обугленные деревья. Бетонные стены. Но где-то здесь должен быть бункер русских. Глубоко под землей. С торчащим наружу перископом и парой стволов крупнокалиберных пулеметов. Может, есть ещё и антенна.

— Мы скоро придем? — спросил Дэвид.

— Да. Устал?

— Нет.

— Что тогда?

Ребенок не ответил. Он осторожно следовал за Хендриксом. Ноги и башмаки посерели от пепла и пыли. Тонким серым налетом покрыто его изможденное лицо. Землистое лицо. Это обычный цвет лица у детей, живущих в погребках, сточных канавах и подземных убежищах.

Майор, замедлив шаг, внимательно осматривал в бинокль местность. Не здесь ли они поджидают его, пристально следя за каждым его шагом? По спине пробежали мурашки. Может быть, они уже приготовились стрелять и так же, как его люди, всегда готовы уничтожить врага.

Хендрикс остановился, вытирая с лица пот.

— Чёрт! — Всё это заставляло его нервничать. Но ведь его должны ждать. И это меняло ситуацию.

Он снова зашагал, крепко сжимая в руках карабин. Дэвид шёл следом. Хендрикс беспокойно озирался. В любую секунду это может случиться. Прицельный выстрел из подземного бункера и вспышка белого огня.

Он поднял руку и начал описывать ею круги.

Всё тихо. Справа лежала гряда холмов, увенчанных на вершинах стволами мертвых деревьев. То тут, то там торчащие из пепла рваные куски арматуры, хилые побеги дикого винограда и бесконечная черная трава. Хендрикс рассматривал вершины холмов. Может быть, там? Он медленно направился к гряде. Дэвид молча следовал за ним. Будь он командиром у русских — обязательно бы выставил наверху дозорного. Хотя, конечно, если бы это был его командный пункт, вся бы местность здесь, для полной гарантии, кишела «когтями».

Он остановился.

— Мы пришли? — спросил Дэвид.

— Почти.

— Почему мы тогда остановились?

— Не хочется рисковать.

Хендрикс медленно двинулся вперед. Они были теперь у самого подножия холма. С его вершины они видны как на ладони. Беспокойство майора усилилось. Если Иван наверху, то у них нет шансов. Он снова помахал рукой. Русские же должны ждать ответа. Если только это не западня.

— Держись ко мне поближе, малыш, — майор повернулся к Дэvidу. — Не отставай.

— К вам?

— Рядом со мной. Мы уже пришли и сейчас не можем рисковать. Давай, малыш.

— Я буду осторожен. — Он так и шёл за Хендриксом в нескольких шагах, по-прежнему сжимая в объятиях плюшевого медведя.

— Ладно, — сказал Хендрикс и вновь поднял бинокль. Внезапно он насторожился: что-то шевельнулось. Неужели показалось? Он внимательно осматривал гряду. Всё тихо. Мертво. Никаких

признаков жизни. Только стволы деревьев и пепел. И ещё крысы. Большие серые крысы, спасшиеся от «когтей». Мутанты, строящие свои убежища из слюны и пепла. Получалось нечто сродни гипсу. Адаптация.

Он снова устремился вперед.

На вершине холма появилась высокая фигура в развевающемся на ветру серо-зеленом плаще. Русский. За ним — ещё один. Оба подняли ружья и прицелились.

Хендрикс замер. Он открыл рот. Солдаты опустились на колени, пытаясь рассмотреть поверхность склона. К ним присоединилась третья фигура, маленькая и в таком же серо-зеленом плаще. Женщина. Она стояла чуть позади.

Наконец Хендриксу удалось выйти из оцепенения, и он заорал:

— Стойте! Стойте! — Он отчаянно размахивал руками. — Я от...

Два выстрела прозвучали почти одновременно. За спиной майор услышал едва различимый хлопок. Неожиданно, сбивая с ног, на него обрушилась тепловая волна. Песок царапал лицо, забивая глаза и нос. Кашляя, он привстал на колени. Всё-таки — ловушка. Всё кончено. И стоило в такую даль идти. Его пристрелят как суслика. Солдаты и женщина спускались к нему, медленно съезжая по толстому слою пепла. Хендрикс не двигался. В висках бешено стучала кровь. Неуклюже, морщась от боли, он поднял карабин и прицелился. Казалось, карабин весит тысячу тонн — он едва удерживал его. Лицо и щеки горели. В воздухе — запах гари. Едкое кислое зловоние.

— Не стреляй! — приближаясь к Хендриксу, крикнул по-английски, с сильным акцентом, солдат.

Они окружили его.

— Брось оружие, янки.

Майор был потрясен. Всё произошло так быстро. Они поймали его и убили мальчика. Он повернул голову. От Дэвида почти ничего не осталось.

Русские с любопытством рассматривали его. Хендрикс сидел, утирая текущую из носа кровь, и смахивал с одежды пепел. Он долго тряс головой, пытаясь прийти в себя.

— Зачем? — пробормотал он. — Это же ребенок. Ребенка-то зачем?

— Зачем? — один из солдат грубо схватил майора и поднял. — Смотри!

Хендрикс закрыл глаза.

— Нет, смотри! — солдат подтолкнул его вперед. — Смотри! Только поторопись. У нас мало времени, янки!

Хендрикс взглянул на останки Дэвида и вздрогнул.

— Видишь? Теперь ты понимаешь?

Из исковерканного трупa Дэвида выкатилось маленькое колесико. Кругом валялись какие-то металлические шестеренки, проводки, реле. Русский пнул эту кучу ногой. Оттуда посыпались пружинки, колесики, металлические стержни. Вывалилась полуобугленная пластмассовая плата. Хендрикс, трясясь, наклонился. Верхнюю часть головы, видно, снесло выстрелом — был отчетливо виден сложный искусственный мозг. Провода, реле, крошечные трубки и переключатели, тысяча блестящих винтиков...

— Робот, — придерживая Хендрикса, сказал солдат. — Мы наблюдали за вами.

— Так они действуют. Увязываются за тобой и не отстают. И если они попадают в бункер, то это конец.

Хендрикс ничего не понимал.

— Но...

— Пошли. Мы не можем оставаться здесь. Это опасно. Их тут сотни.

Его потащили наверх. Женщина первой взобралась на вершину и теперь дожидалась остальных.

— Мне нужен командный пункт, — бормотал Хендрикс. — Я пришёл, чтобы вести переговоры.

— Нет больше командного пункта. Они уничтожили его. Сейчас поймешь. — Они достигли вершины. — Мы — это всё, что осталось. Три человека. Остальные погибли в бункере.

— Сюда. Вниз. — Женщина открыла люк, отодвинув серую тяжелую крышку. — Давайте.

Майор начал спускаться. Солдаты — за ним.

— Хорошо, что мы заметили тебя, — прохрипел один из них. — А то всё могло бы плохо кончиться.

Женщина установила крышку люка на место и присоединилась к ним.

— Дай мне сигарету, — попросила она Хендрикса. — Я уже и не помню, когда последний раз курила американские сигареты.

Хендрикс протянул пачку. Все закурили. В углу крошечной комнаты мерцала лампа. Низкий, укрепленный балками потолок. Все четверо сидели за маленьким деревянным столом. На одном конце стола лежали грязные миски. Сквозь порванную занавеску была видна вторая комната. Хендрикс видел край пальто, несколько одеял, одежду, висящую на крючке.

— Вот здесь мы и были, — произнес сидящий рядом с майором солдат. Он снял каску и пригладил белокурые волосы. — Капрал Руди Максер. Поляк. Призван в Советскую Армию два года назад. — Он протянул Хендриксу руку.

Хендрикс, слегка поколебавшись, всё же пожал протянутую ему руку.

— Клаус Эпштейн, — второй солдат пожал ему руку. Это был маленький смуглый человек. Он нервно тербил ухо. — Австриец. Призван бог знает когда. Не помню. Нас здесь трое: Руди, я и Тассо, — он указал на женщину. — Так нам удалось спастись. Остальные были в бункере.

— И... им удалось проникнуть туда?

Эпштейн закурил.

— Сначала забрался один, такой же, как тот, что увязался за тобой. Потом другие.

Хендрикс насторожился.

— Такой же? Так они что, разные?

— Малыш Дэвид. Дэвид, держащий плюшевого медвежонка. Это третья модель. Пожалуй, она наиболее эффективна.

— А другие?

Австриец вытащил из кармана перевязанную веревкой пачку фотографий.

— На. Смотри сам.

Хендрикс принялся медленно развязывать веревку.

— Теперь ты понимаешь, почему мы хотели начать переговоры, — раздался голос Руди Максера. — Я имею в виду наше командование. Мы узнали об этом неделю назад. Нам стало известно, что ваши «когти» начали самостоятельно создавать новые образцы и модели роботов. Они становились всё более опасными. Там, на подземных заводах, вы предоставили им свободу. Вы позволили им создавать самих себя. В том, что случилось, только ваша вина.

Хендрикс рассматривал фотографии. Сделанные в спешке, они были нерезкими. На первых был Дэвид: Дэвид, бредущий по дороге, Дэвид и ещё один Дэвид, три Дэвида. Все совершенно одинаковые. У каждого — потрепанный плюшевый мишка.

Все очень трогательные.

— Взгляни на другие, — сказала Тассо.

На фотографиях, сделанных с большого расстояния, был высокий раненый солдат, сидящий на обочине дороги, с перевязанной рукой, одноногий, с грубым костылем на коленях. Были также снимки с двумя ранеными солдатами, совершенно одинаковыми, стоящими бок о бок.

— Первая модель. Раненый солдат. — Клаус протянул руку и взял фотографии. — «Когти» создавались вами для охоты на людей. Для обнаружения их. Сейчас они идут дальше. Они забираются в наши бункера и тоннели. И пока они были просто машинами, металлическими шарами с клешнями и когтями, их можно было легко распознать и уничтожить. По одному их виду становилось ясно, что это роботы-убийцы. Стоило их только увидеть...

— Первая модель уничтожила почти полностью нашу северную группировку, — присоединился к разговору Руди. — Мы слишком поздно поняли. Они приходили, эти раненые солдаты, стучались и просили впустить их. И мы открывали люки. Как только они оказывались внутри — всё было кончено. А мы продолжали высматривать машины...

— Тогда мы думали, что существуют лишь эти роботы, — сказал Клаус. — Никто и не подозревал, что есть другие. Когда мы направляли парламентаря, было известно только об одной модели. Первой. Раненый солдат. Мы думали, что это всё.

— Ваши укрепления пали...

— Да, перед третьей моделью. Дэвид и его медвежонок. Эти действуют ещё эффективнее, — горько усмехнулся Клаус. — Солдаты жалеют детей. Они пускают их в бункер и пытаются накормить... Мы дорого заплатили за свою жалость. По крайней мере те, кто был в бункере.

— Нам троим просто повезло, — раздался голос Руди. — Когда это случилось, мы с Клаусом были в гостях у Тассо. Это её убежище.

— Он обвел вокруг рукой. — Этот маленький подвал. Мы закончили здесь и уже поднимались по лестнице. С гребня мы увидели то, что происходило около бункера. Там ещё продолжалось сражение. Кругом кишели Дэвиды. Сотни Дэвидов. Клаус их тогда и сфотографировал.

Клаус собрал в пачку и перевязал фотографии.

— И так везде? — спросил Хендрикс.

— Да.

— А как насчет нас? — он коснулся браслета. — Могут они?..

— Ваши браслеты им не помеха. Им всё равно. Русские, американцы, поляки, немцы. Им безразлично. Они делают то, чему научены. Они — исполнители. Они отслеживают жизнь.

— Они реагируют на тепло, — произнес Клаус. — Вы создали их такими. Поначалу их можно было сдерживать радиационными браслетами. Сейчас это невозможно. У новых моделей — свинцовые оболочки.

— Какие ещё существуют модели, кроме этих двух? — спросил Хендрикс.

— Мы не знаем. — Клаус указал на стену. На ней висели две металлические пластины с рваными острыми краями. Хендрикс поднялся, чтобы рассмотреть их. Они были сильно покорежены и покрыты вмятинами.

— Вон та, слева, — кусок Раненого солдата, — сказал Руди. — Нам удалось подстрелить одного. Он направлялся к нашему старому бункеру. Мы уничтожили его так же, как твоего Дэвида.

На пластине стояло клеймо «1-М». Хендрикс дотронулся до второй пластинки.

— Эта — из Дэвида?

— Да.

На пластинке значилось «3-М».

Клаус, стоя за широкой спиной Хендрикса, произнес:

— Видишь? Должна быть ещё одна модель. Возможно, что от неё отказались. Возможно, она неудачна. Но вторая модель должна быть, раз есть первая и третья.

— Вам повезло, — сказал Руди. — Дэвид так долго шёл за вами и не тронул. Наверное, думал, что вы приведете его в бункер.

— Если один из них попадет туда, то всё кончено, — сказал Клаус.

— Они очень подвижны. За первым следуют другие. Они неумолимы. Машины, созданные с одной-единственной целью. С исключительной целью. — Он вытер пот с лица. — Мы это видели.

Все замолчали.

— Янки, угости ещё сигареткой, — сказала Тассо. — Они у тебя замечательные. Я уже почти забыла их вкус.

• • •

Ночь. Черное небо. Плотные пепельные облака. Клаус осторожно приподнял крышку люка, давая возможность Хендриксу выглянуть наружу.

Руди показывал пальцем куда-то в темноту.

— Вон там — наши бункера. Не больше полумили отсюда. Только по счастливой случайности нас с Клаусом не оказалось там, когда это произошло. Человеческая слабость. Похоть.

— Все остальные наверняка погибли, — раздался тихий голос Клауса. — Всё произошло очень быстро. Этим утром Политбюро наконец-то приняло решение. Они известили нас, и мы сразу отправили к вам человека. Пока могли, мы прикрывали его.

— Это был Алекс Радживски. Мы оба хорошо знали его. Он ушёл около шести часов утра. Солнце только начало подниматься. А около полудня мы с Клаусом получили час отдыха и, выскользнув из бункера, пришли сюда. Нас никто не видел. Здесь раньше было какое-то поселение: несколько домов, улица. Этот подвал — часть большого жилого дома. Мы знали, что Тассо здесь. Мы и раньше приходили сюда, впрочем, не мы одни. Но сегодня была наша очередь.

— Вот так мы и уцелели, — сказал Клаус. — Случайность. Здесь сейчас могли бы быть другие. Мы получили то, за чем пришли, выбрались наверх и вот тогда, с гребня, увидели их... Дэвидов. И сразу всё поняли. Мы уже видели фотографии Раненого солдата. Если бы мы сделали хоть шаг, они бы нас обнаружили. Мы замерли, но поздно, и вынуждены были разнести на куски двух Дэвидов, прежде чем смогли вернуться к Тассо. Сотни Дэвидов. Повсюду. Как муравьи. Мы сфотографировали их и спустились в подвал.

— Когда их мало, с ними ещё как-то можно бороться. Мы расторопнее их. Но они безжалостны и неумолимы. Они не живые. Им не знакомо чувство страха. Они шли прямо на нас.

Майор Хендрикс облокотился на край люка, вглядываясь в темноту.

— Это не опасно держать люк открытым?

— Если быть осторожным. А потом, как иначе вы сможете воспользоваться рацией?

Хендрикс аккуратно снял с пояса маленький передатчик и прижал его к уху. Металл был холодным и влажным. Вытащив короткую антенну, он дунул в микрофон. В ответ раздался лишь слабый шум.

— Да, пожалуй, вы правы.

Но он всё ещё колебался.

— Мы вытащим тебя, если что-нибудь случится, — успокаивал его Клаус.

— Спасибо. — Хендрикс немного подождал, прижимая передатчик к плечу. — Не правда ли, интересно?

— Что?

— Ну, эти роботы. Новые модели, разновидности. Мы ведь теперь в их власти. Они, наверное, пробрались уже и в наши укрепления. Вот я и думаю, а не присутствуем ли мы при зарождении новых существ? Принципиально новых. Эволюция. Новая раса, идущая на смену человечеству.

— После человека уже ничего не будет, — проворчал Руди.

— Почему? Может быть, именно сейчас это и происходит — отмирает человечество и возникает новое общество.

— Они — не раса. Они — убийцы. Вы научили их убивать, и это всё, что они умеют делать. Это их работа.

— Это происходит сейчас. А что будет потом? После того, как закончится война? Может быть, когда уже некого будет убивать, они смогут полностью проявить свои возможности.

— Вы говорите о них так, будто они живые.

— А что, разве не так?

Наступило молчание. Потом Руди произнес:

— Они — машины. Они похожи на людей, но они — машины.

— Попробуй ещё раз, майор, — вмешался Клаус. — Мы не можем долго торчать тут.

Крепко сжимая рацию, Хендрикс вызывал командный бункер. Он ждал. Ответа не было. Тишина. Он проверил настройку. Всё точно.

— Скотт! — сказал он в микрофон. — Ты слышишь меня?

Тишина. Он покрутил ручку усиления и попытался снова. Тщетно. Лишь слабое потрескивание в эфире.

— Ничего. Возможно, они слышат меня, но не хотят отвечать.

— Скажите им, что это крайне важно.

— Они могут подумать, что вы заставляете меня и я действую по вашему указанию.

Он попробовал ещё раз, кратко пересказывая то, что узнал. Но приемник молчал.

— Радиационные поля, — сказал немного погодя Клаус. — Может быть, из-за них нет связи.

Хендрикс отключил рацию.

— Бесполезно. Они не отвечают. Радиационные поля? Может быть. Или они слышат меня, но не отвечают. Откровенно говоря, если бы меня вызывали из советских окопов и говорили подобное, я бы поступил точно так же. У них нет причин верить всему, что я говорил, но, по крайней мере, они могли это слышать.

— А может быть, уже слишком поздно.

Хендрикс кивнул в ответ.

— Нам лучше спуститься вниз, — сказал Руди. Заметно было, что он нервничает. — Зачем напрасно рисковать.

Так они и сделали. Клаус установил крышку люка на место и тщательно затянул болтами. Они прошли на кухню. Там стоял тяжелый спертый воздух.

— Неужели им удалось сделать всё так быстро? — с сомнением произнес Хендрикс. — Я вышел в полдень. Десять часов назад. Как это у них получается?

— А им и не надо много времени. Достаточно только одному проникнуть внутрь. И начинается кошмар. Вы же сами знаете, на что способны даже самые маленькие из них. В это же невозможно поверить, пока сам не убедишься. Лезвия, когти...

— Да уж, — ответил майор и, чем-то сильно обеспокоенный, отошёл в сторону. Он стоял, повернувшись к остальным спиной.

— В чем дело? — спросил Руди.

— Лунная База. О Боже, если они и туда...

— Лунная База?

Хендрикс обернулся.

— Нет, туда им не добраться. Как они могут попасть на Луну? Как? Это невозможно. Я не могу в это поверить.

— Что это — Лунная База? До нас доходили всякие слухи, но так, ничего определенного. Вы, кажется, взволнованы, майор?

— Мы всё получаем с Луны. Там же находится и наше правительство. Глубоко под лунной поверхностью. Там все наши люди и промышленность. Благодаря этому, мы всё ещё держимся. Но если им удастся покинуть Землю и достигнуть Луны, то...

— Достаточно забраться туда только одному. Он уж позаботится о других. Их сотни, тысячи. Все одинаковые. Как муравьи. Если бы вы видели их...

— Совершенный социализм, — сказала Тассо. — Идеальное коммунистическое государство.

— Хватит! — сердито оборвал её Клаус. — Ну? Что будем делать?

Хендрикс нервно вышагивал из угла в угол. В воздухе стоял кисловатый запах пищи и пота. Вскоре Тассо, откинув занавеску, прошла в свою комнату.

— Я собираюсь немного поспать, — донесся оттуда её голос.

Руди и Клаус уселись за стол и какое-то время молча сидели, наблюдая за Хендриксом. Потом Клаус произнес:

— Майор, тебе решать. Мы не знаем, что там у вас происходит.

Хендрикс кивнул.

— Самое главное, — Руди глотнул кофе, — то, что хотя сейчас мы и в безопасности, всё время оставаться здесь мы не можем. У нас мало продуктов.

— Но если мы выберемся наружу...

— Если мы выберемся отсюда, они уничтожат нас. Ну, или очень вероятно, что уничтожат. Мы не сможем далеко уйти. Сколько до вашего командного пункта, майор?

— Мили три-четыре.

— Можно попробовать. Нас четверо. Мы можем смотреть во все стороны и не дать им приблизиться. У нас есть ружья, а Тассо я отдам свой пистолет. — Руди похлопал по кобуре. — В Красной Армии всегда не хватает сапог, но зато предостаточно оружия. Может быть, один из нас и доберется до бункера. Предпочтительно, чтобы это были вы, майор.

— Но что, если они уже там? — спросил Клаус.

Руди пожал плечами:

— Ну, тогда мы вернемся сюда.

Хендрикс наконец перестал ходить.

— Какова вероятность, что они уже там?

— Трудно сказать. Думаю, что высокая. Они хорошо организованы. Как полчища саранчи. Они должны всё время двигаться и притом быстро. Они полагаются на скорость и неожиданность и не дают времени опомниться.

— Понятно, — прошептал Хендрикс.

Из другой комнаты послышался голос Тассо:

— Майор?

Хендрикс отодвинул занавеску.

— Что?

Тассо, лежа на койке, лениво смотрела на него.

— У вас не осталось сигарет?

Хендрикс вошёл в комнату и уселся на деревянный табурет, что стоял напротив койки. Он пошарил в карманах. Сигарет не было.

— Нет. Кончились.

— Плохо. Очень плохо.

— Кто вы по национальности? — посидев немного, спросил Хендрикс.

— Русская.

— Как вы очутились здесь?

— Здесь?

— Да, эта местность когда-то была Францией. Точнее — Нормандией. Вы пришли с Советской Армией?

— Зачем вам это?

— Так, интересно.

Он внимательно рассматривал её. Молодая, около двадцати, стройная. Длинные волосы разметались по подушке. Она молча смотрела на него большими темными глазами.

— О чем вы думаете, майор?

— Ни о чем. Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

Она продолжала пристально наблюдать за ним. На ней были русские армейские брюки и гимнастерка. Всё серо-зеленое. Широкий кожаный ремень с патронами. Счетчик. Медицинский пакет.

— Вы служите в армии?

— Нет.

— Тогда откуда эта форма?

Она пожала плечами:

— Дали.

— Сколько же вам было, когда вы очутились здесь?

— Шестнадцать.

— Так мало?

Глаза её внезапно сузились.

— Что вы хотите сказать?

Хендрикс потер подбородок.

— Если бы не война, ваша жизнь могла бы быть совсем иной. Шестнадцать лет. Боже! И с шестнадцати лет выносить всё это...

— Надо было выжить.

— Да это я так...

— Ваша жизнь тоже могла бы быть совсем иной, — тихо произнесла Тассо. Она нагнулась и развязала шнурок на ботинке, затем сбросила ботинок на пол.

— Майор, выйдите, пожалуйста. Я хотела бы немного поспать.

— Похоже, трудно будет разместиться здесь вчетвером. Здесь ведь только две комнаты?

— Да.

— Интересно, каким этот подвал раньше был? Может быть, в нем есть ещё помещения — где-нибудь под обломками.

— Может быть. Не знаю. — Тассо ослабила ремень на поясе и, устроившись поудобнее на койке, расстегнула гимнастерку. — Вы абсолютно уверены, что сигарет больше нет?

— У меня была только одна пачка.

— Жаль. Но, может быть, если нам повезёт и мы доберемся до вашего бункера, мы найдем ещё. — Второй ботинок упал на пол. Тассо потянулась к выключателю. — Спокойной ночи.

— Вы собираетесь спать?

— Совершенно верно.

В комнате стало темно. Хендрикс поднялся и, откинув занавеску, вернулся на кухню. И оцепенел.

Руди стоял у стены. Лицо его было мертвенно-бледным. Он то открывал, то закрывал рот, не произнося ни звука. Перед ним стоял Клаус, уперев ему в живот дуло пистолета. Оба словно застыли.

Клаус — крепко сжимая пистолет, предельно собранный. Руди — бледный и онемевший, распластаный по стене.

— Что?.. — начал было Хендрикс, но Клаус остановил его.

— Спокойнее, майор. Иди сюда. И вытащи свой пистолет.

Хендрикс вытащил оружие.

— Что происходит?

— Сюда, майор. Поторопись, — сказал Клаус, не спуская глаз с Руди.

Руди зашевелился и опустил руки. Облизывая губы, он повернулся к Хендриксу. Белки его глаз ярко светились. Капельки пота катились по щекам. Он не отрываясь смотрел на Хендрикса, потом слабым, едва слышимым, хриплым голосом произнес:

— Майор, он сошёл с ума. Остановите его!

— Да, чёрт возьми, что здесь происходит? — требовал объяснения Хендрикс.

Не опуская пистолета, Клаус ответил:

— Майор, помнишь наш разговор? О трех моделях? Мы знали о первой и третьей, но ничего не знали о второй. По крайней мере, пока не знали. — Пальцы Клауса ещё крепче сжали рукоятку пистолета. — Но теперь мы знаем!

Он нажал на курок. Полыхнуло белое пламя.

— Майор, вот она!

Отшвырнув занавеску, на кухню ворвалась Тассо.

— Клаус, что ты сделал?

Клаус отвернулся от медленно сползающего по стене почерневшего тела.

— Вторая модель, Тассо. Теперь мы знаем. Опасность меньше. Я...

Тассо смотрела на останки Руди, на дымящиеся куски мяса и клочья одежды.

— Ты убил его.

— Его? Робота, ты имеешь в виду? Да. Я давно следил за ним. У меня было предчувствие, но не было уверенности. Но сегодня... — Он нервно тер рукоятку пистолета. — Нам повезло. Вы что, не понимаете? Ещё час — и эта штуковина могла бы...

— Ты, значит, уверен? — Тассо оттолкнула его и склонилась над трупом. Лицо её выражало озабоченность. — Майор, взгляните сами. Кости. Мясо.

Хендрикс присел рядом. То, что лежало на полу, без сомнений принадлежало человеку. Обожженная плоть, обуглившиеся кости, сухожилия, кишки, кровь...

— Никаких колесиков, — поднимаясь, спокойно сказала Тассо. — Ни колесиков, ни винтиков, ни металлических деталек. Ничего. Нет когтей и нет второй модели. — Она сложила на груди руки. — Тебе придется постараться и объяснить нам это.

Клаус, белый как мел, сел за стол. Сжав руками голову, он начал раскачиваться.

— Перестань, — Тассо вцепилась в него. — Почему ты сделал это? Зачем ты убил его?

— Страх. Он испугался, — вмешался Хендрикс. — Всё происходящее давит на нас.

— Может быть.

— А что вы думаете, Тассо?

— Я думаю, что у него могла быть причина для убийства Руди. Причем веская причина.

— Какая?

— Возможно, Руди кое-что узнал.

Хендрикс всматривался в бледное женское лицо.

— О чем?

— О нем. О Клаусе.

Клаус резко поднял голову.

— Майор, понимаешь, на что она намекает? Она думает, что это я — вторая модель. Ты что — не видишь? Она хочет убедить тебя в том, что я убил его нарочно. Что я...

— Почему же ты тогда убил его? — спросила Тассо.

— Я уже сказал вам, — Клаус устало покачал головой. — Я думал, что он робот. Я думал, что обнаружил вторую модель.

— Но почему?

— Я следил за ним. Я подозревал.

— Почему?

— Мне показалось, что я заметил и услышал нечто странное. Я думал, что... — Он замолчал.

— Продолжай.

— Мы сидели за столом и играли в карты. Вы были в той комнате. Было очень тихо. И вдруг я услышал, как в нем что-то... прожужжало.

Все молчали.

— Вы верите этому? — спросила Хендрикса Тассо.

— Да.

— А я — нет. Я думаю, что у него была причина убить Руди. — Тассо коснулась стоящего в углу карабина. — Майор...

— Нет, — Хендрикс покачал головой. — Давайте остановимся. Одного трупа достаточно. Мы так же напуганы, как и он. И если мы сейчас убьем его, то сделаем то же, что он сделал с Руди.

Клаус с благодарностью посмотрел на него.

— Спасибо. Я испугался. Сейчас с ней происходит то же самое. И она хочет убить меня.

— Хватит убийств. — Хендрикс подошёл к лестнице. — Я выберусь наверх и попробую связаться с моими людьми ещё раз. Если это не удастся, завтра утром мы отправимся туда.

Клаус вскочил вслед за ним.

— Я иду с тобой.

• • •

Холодный ночной воздух. Остывает земля. Клаус глубоко вздохнул. Он стоял, широко расставив ноги, держа наготове ружье, вслушиваясь и вглядываясь в темноту. Хендрикс скрючился возле люка, настраивая передатчик.

— Ну как? — не утерпев, спросил Клаус.

— Пока ничего.

— Давай, майор. Пробуй. Расскажи им.

Хендрикс старался. Но тщетно. В конце концов он убрал антенну.

— Бесполезно. Они не слышат меня. Или слышат, но не отвечают. Или...

— Или их уже нет в живых.

— Я ещё раз попробую. — Он вытащил антенну. — Скотт, ты слышишь меня? Ответь!

Он слушал. Только атмосферные шумы. И вдруг, очень слабо:

— Это Скотт.

Пальцы майора сжали передатчик.

— Скотт! Это ты?

— Это Скотт.

Клаус присел рядом.

— Ну?

— Скотт, слушай. Вы всё поняли? О «когтях»? О роботах? Вы слышали меня, Скотт?

— Да.

Очень тихо. Почти неслышно. Хендрикс едва разобрал.

— Как в бункере? Всё в порядке?

— Всё в полном порядке.

— Они не пытались прорваться внутрь?

Голос стал ещё тише.

— Нет.

Хендрикс повернулся к Клаусу.

— Там всё спокойно.

— Их атаковали?

— Нет.

Хендрикс ещё крепче прижал передатчик к уху.

— Скотт! Я почти не слышу тебя. На Лунной Базе знают о случившемся? Вы сообщили им? Они готовы?

Ответа не было.

— Скотт! Ты слышишь меня?

Молчание.

Хендрикс устало вздохнул.

— Всё.

Они смотрели друг на друга. Оба молчали. Потом Клаус спросил:

— Ты уверен, что это был голос твоего человека?

— Голос был слишком слабым.

— Значит, уверенности нет?

— Нет.

— Тогда это мог быть и...

— Я не знаю. Сейчас я ни в чем не уверен. Давай вернемся вниз.

Они спустились в душный подвал. Тассо ждала их.

— Удачно? — спросила она.

Ей не ответили.

— Ну? — сказал наконец Клаус. — Что ты думаешь, майор? Ваш это человек или нет?

— Я не знаю.

— Ну, значит, это нам ничего не дает.

Хендрикс, сжав челюсти, уставился на пол.

— Чтобы узнать, мы должны отправиться туда.

— Да. Так или иначе, но продуктов нам хватит только на несколько недель. И потом мы вынуждены будем убраться отсюда.

— Наверное, это так.

— Что случилось? — не унималась Тассо. — Вы узнали что-нибудь? В чем дело?

— Это мог быть один из моих людей, — тихо сказал Хендрикс, — а мог быть и один из них. Но, оставаясь здесь, мы этого никогда не узнаем.

Он посмотрел на часы и сказал:

— Давайте-ка ложиться спать. Нам необходим отдых. Завтра рано вставать.

— Рано?

— Да. Шанс прорваться у нас будет ранним утром.

• • •

Утро выдалось свежим и ясным. Майор Хендрикс осматривал в полевой бинокль окрестности.

— Видно что-нибудь? — спросил Клаус.

— Нет.

— А наши бункера?

— Я не знаю куда смотреть.

— Подожди, — Клаус взял бинокль. Он долго и молча смотрел.

Из люка вылезла Тассо.

— Ну что?

— Ничего. — Клаус вернул бинокль Хендриксу. — Их не видно. Идем. Не будем задерживаться.

Они начали спускаться с холма, скользя по мягкому пеплу. На плоском камне мелькнула ящерица. Они остановились.

— Что это было? — прошептал Клаус.

— Ящерица.

Животное быстро бежало по пеплу, совершенно неразличимое на сером фоне.

— Идеальная адаптация, — произнес Клаус. — Доказывает, что мы были правы. Лысенко, я имею в виду.

Они достигли подножия холма и остановились, прижавшись друг к другу.

— Пошли, — немного погодя сказал Хендрикс. — Нам предстоит долгий путь.

Хендрикс шёл сначала чуть впереди. Потом его догнал Клаус. Тассо шла последней, держа наготове пистолет.

— Майор, хочу спросить тебя, — начал Клаус. — Как ты столкнулся с Дэвидом? Ну, с тем самым?

— По дороге встретил, направляясь к вам. В каких-то развали пах.

— Что он говорил?

— Немного. Сказал только, что он один. И всё.

— Он разговаривал как человек? Ты ведь ничего не заподозрил?

— Он говорил очень мало. Я не заметил ничего особенного.

— Да. Машины уже так похожи на людей, что невозможно отличить, где робот, а где человек. Почти живые. Интересно, чем же это кончится?

— Роботы делают лишь то, чему вы, янки, научили их, — сказала Тассо. — Они охотятся на людей. Они забирают у человека жизнь.

Хендрикс внимательно посмотрел на Клауса.

— Почему вы спрашиваете? Что вы хотите узнать?

— Ничего, — ответил Клаус.

— Клаус думает, что вы — вторая модель, — спокойно отозвалась за их спинами Тассо. — Теперь он не спустит с вас глаз.

Клаус покраснел.

— А почему бы и нет? Мы послали человека к янки, и вот появился он. Может, он думал, что найдет здесь чем поживиться.

Хендрикс рассмеялся.

— Я пришёл из расположения американских войск. Там-то уж было бы где разгуляться.

— Но, может быть, советские окопы — это последнее, что оставалось. Может, ты...

— Ваши укрепления уже были уничтожены. Уничтожены ещё до того, как я покинул бункер. Не забывайте про это.

Тассо догнала их.

— Это ничего не доказывает, майор.

— Как это?

— Похоже, что между различными типами роботов отсутствует какое-либо взаимодействие. Они выпускаются каждый на своем заводе и, кажется, действуют независимо друг от друга. Вы могли

отправиться в сторону советских войск, ничего не зная о деятельности других я даже не зная, как они выглядят.

— Откуда вы столько знаете? — спросил Хендрикс.

— Я видела их. Я видела их в действии.

— Знаешь-то ты довольно много, — сказал Клаус, — но видела, на самом деле, очень мало. Странно.

Тассо засмеялась.

— Теперь ты и меня подозреваешь?

— Ладно. Забудем об этом, — сказал Хендрикс.

Какое-то время они шли молча.

— Мы что, собираемся всё время идти пешком? — немного погодя спросила Тассо. — Я не привыкла так много ходить. — Она смотрела по сторонам: кругом, куда ни глянь — пепел.

— Мрачно-то как.

— Так будет всю дорогу, — ответил Клаус.

— Иногда я жалею, что тебя не было в том бункере, когда началась эта резня.

— Ну, не я, так кто-нибудь другой был бы на моем месте, — пробормотал Клаус.

Тассо засмеялась и засунула руки в карманы.

— Да уж, наверное.

Они продолжали идти, внимательно наблюдая за широкой, усыпанной безмолвным пеплом равниной.

Солнце уже садилось. Хендрикс вышел немного вперед, рукой показывая своим спутникам, чтобы те остановились. Клаус присел на корточки, уперев приклад винтовки в землю.

Тассо, тяжело вздохнув, уселась на кусок бетонной плиты.

— Приятно отдохнуть.

— Тише ты, — оборвал её Клаус.

Хендрикс забрался на вершину холма. Того самого холма, на который за день до этого поднимался русский солдат. Хендрикс быстро опустился на землю, лег и поднес к глазам бинокль.

Он смотрел и ничего не видел. Только пепел и редкие уцелевшие деревья. Но там, менее чем в пятидесяти ярдах, должен быть вход в командный бункер. Бункер, который ещё совсем недавно служил ему надежным убежищем. Хендрикс смотрел, затаив дыхание. Никаких признаков жизни. Ничего.

К нему подполз Клаус.

— Где бункер?

— Там, — ответил Хендрикс и передал Клаусу бинокль. Тучи пепла заволокли вечернее небо. На мир опускались сумерки. До наступления темноты оставалось ещё около двух часов. А может быть и меньше.

— Я не вижу, — прошептал Клаус.

— Вон там, видите дерево? Потом пень. Около груды кирпичей. А справа — вход.

— Я вынужден верить на слово.

— Вы и Тассо прикроете меня. Отсюда вам всё будет отлично видно.

— Ты пойдешь один?

— С браслетом я буду в безопасности. Вокруг бункера полно «когтей». Они прячутся в пепле. Как крабы. Без браслетов вам там нечего делать.

— Возможно, ты и прав.

— Я пойду очень медленно. Как только я буду знать наверняка...

— Если они уже в бункере, тебе не удастся выбраться оттуда.

— Что вы предлагаете?

Клаус задумался.

— Не знаю. Хорошо бы их как-нибудь выманить наверх. Так, чтобы мы смогли посмотреть.

Хендрикс снял с ремня передатчик и вытащил антенну.

— Ну что ж, попробуем.

Клаус посигналил Тассо, и она вскоре присоединилась к ним.

— Он идет один, — сказал Клаус. — Мы прикрываем его. Как только ты увидишь, что он возвращается, стреляй не раздумывая. Они не заставят себя ждать.

— Ты не очень-то оптимистичен, — ответила Тассо.

— Верно.

Хендрикс тщательно проверил карабин.

— Будем надеяться, что всё обойдется.

— Ты не видел их, майор. Сотни. Все одинаковые. Ползучие, как муравьи.

— Ладно, — сказал Хендрикс и, взяв в одну руку карабин, а в другую — передатчик, поднялся.

— Пожелайте мне удачи.

Клаус протянул руку.

— Не спускайся в бункер, пока не будешь уверен. Говори с ними сверху. Пусть они покажутся.

— Хорошо. Пошёл.

Минутой позднее он уже подходил к куче кирпичей, что громоздились возле пня. Он шёл очень медленно и осторожно.

Было тихо. Майор поднял передатчик, включил его.

— Скотт? Ты слышишь меня?

Тишина.

— Скотт? Это я, Хендрикс. Ты слышишь меня? Я около бункера. Вы можете видеть меня в смотровую щель.

Он слушал, крепко сжимая передатчик. Ни звука. Потом двинулся дальше. Из пепла вылез «коготь» и устремился к нему, затем куда-то исчез. Но появился второй, побольше, тот, что с выпуклыми линзами. Он подобрался почти вплотную, внимательно рассмотрел Хендрикса и после этого, чуть приотстав, начал почтительно сопровождать его. Вскоре к нему присоединился ещё один.

Хендрикс остановился. Роботы замерли тоже. Он был у цели. Почти у самых ступеней, ведущих в бункер.

— Скотт! Ты слышишь меня? Я стою прямо над вами. Наверху. Вы видите меня?

Он ждал, держа наготове карабин и плотно прижав к уху передатчик. Время шло. Он напряженно вслушивался, но слышал лишь слабое потрескивание атмосферы.

Затем, очень тихо, донесся металлический голос:

— Это Скотт.

Голос был совершенно неопределенным. Спокойный. Безразличный. Хендрикс не мог узнать его.

— Скотт! Слушай меня. Я наверху. Прямо над вами. У самого входа.

— Да.

— Вы видите меня?

— Да.

— В смотровую щель?

— Да.

Хендрикс думал. «Когти», окружив его, спокойно ждали.

— В бункере всё в порядке? Ничего не произошло?

— Всё в порядке.

— Скотт, поднимись наверх. Я хотел бы взглянуть на тебя.

Хендрикс затаил дыхание.

— Скотт? Ты слышишь? Я хочу поговорить с тобой.

— Спускайтесь, сэр.

— Лейтенант, я приказываю вам подняться ко мне.

Молчание.

— Ну, так что? — Майор слушал. Ответа не было. — Я приказываю вам, лейтенант.

— Спускайтесь.

— Дай мне поговорить с Леонэ.

Наступила долгая пауза. Потом раздался голос, резкий, тонкий, металлический. Такой же точно, как и первый.

— Это Леонэ.

— Говорит майор Хендрикс. Я наверху, у входа в бункер. Я хочу, чтобы кто-нибудь из вас поднялся ко мне.

— Спускайтесь.

— Леонэ, это приказ.

Молчание. Хендрикс опустил передатчик и осмотрелся. Вход был прямо перед ним. Почти у самых ног. Он убрал антенну и пристегнул передатчик к поясу. Крепко сжав руками карабин, он осторожно двинулся вперед, останавливаясь после каждого шага. Если только они видят его... На мгновение он закрыл глаза.

Затем поставил ногу на первую ступеньку лестницы...

Навстречу ему поднимались два Дэвида с одинаковыми, лишенными всякого выражения, лицами. Он выстрелил и разнес их вдребезги. За ними поднималось ещё несколько. Все совершенно одинаковые.

Хендрикс резко повернулся и побежал назад, к холму.

Оттуда, с вершины, стреляли Клаус и Тассо. Маленькие «когти» — блестящие металлические шары — ловко передвигаясь, уже устремились к ним. Но у него не было времени думать об этом. Он опустился на колени и, прижав карабин к щеке, прицелился. Дэвиды появлялись целыми группами, крепко прижимая к себе плюшевых медвежат. Их худые узловатые ноги подгибались, когда они выбирались по ступенькам вверх. Хендрикс выстрелил в самую гущу. В разные стороны полетели колесики, пружинки... Майор выстрелил ещё раз.

Из бункера, покачиваясь, вылезла высокая неуклюжая фигура. Хендрикс замер, пораженный. Человек. Солдат. На одной ноге, с костылем.

— Майор! — донесся голос Тассо. И снова выстрелы. Огромная фигура направилась к Хендриксу. Вокруг неё толпились Дэвиды. Хендрикс пришёл в себя. Первая модель. Раненый солдат. Он прицелился и выстрелил. Солдат развалился на куски; посыпались какие-то металлические детали, реле.

Дэвидов становилось всё больше и больше. Хендрикс медленно отступал, пятясь и непрерывно стреляя.

Клаус тоже продолжал вести огонь. К нему, на вершину холма, по склону забирались «когти». Склон кишил ими. Тассо оставила Клауса и сейчас отходила вправо от холма.

Перед Хендриксом неожиданно возник Дэвид — маленькое белое лицо, каштановые, свисающие на глаза, волосы. Он ловко нагнулся и развел в стороны руки. Плюшевый медвежонок вывалился и запрыгал по земле. Майор выстрелил. И медвежонок и Дэвид исчезли. Майор горько усмехнулся. Это так походило на сон.

— Сюда! Наверх! — раздался голос Тассо. Хендрикс поспешил к ней.

Тассо укрылась за бетонными глыбами — обломками какого-то здания.

— Спасибо. — Он присоединился к ней, почти задыхаясь.

Она помогла ему взобраться и стала что-то отстегивать у себя на поясе.

— Закройте глаза! — она сняла с ремня нечто напоминающее шар и открутила от него какой-то колпачок. — Закройте глаза и пригнитесь.

Она швырнула гранату. Та, описав в полете дугу, упала и покатилась, подпрыгивая, ко входу в бункер. Около груды кирпичей в нерешительности стояли два Раненых солдата. Из бункера появлялись всё новые и новые Дэвиды. Один из Раненых солдат подошёл к гранате и, неуклюже нагнувшись, попытался схватить её.

Граната взорвалась. Взрывная волна подбросила Хендрикса и швырнула лицом в пепел. Его обдало жаром. Он смутно видел, как Тассо, прячась за бетонной стеной, невозмутимо и методично

расстреливает Дэвидов, появляющихся из плотной пелены белого огня.

Позади, на склоне, Клаус сражался с «когтями», взявшими его в кольцо. Он непрерывно стрелял, стараясь вырваться.

Хендрикс с трудом поднялся на ноги. Голова раскалывалась. Ему даже показалось, что он ослеп. Правая рука не действовала.

Тассо подбежала к нему.

— Давайте. Уходим.

— А Клаус? Он там...

— Идем! — Она потащила его прочь, подальше от развалин.

Хендрикс, пытаясь прийти в себя, тряс головой. Тассо быстро уводила его. Глаза её блестели.

Из облака пепла возник Дэвид. Она уничтожила его выстрелом. Больше роботов не появлялось.

— Но Клаус? Как же он? — Хендрикс остановился, едва держась на ногах. — Он...

— Идемте же!

Они уходили всё дальше и дальше от бункера. Несколько мелких «когтей» преследовали их какое-то время, но затем отстали.

Наконец Тассо остановилась.

— Пожалуй, теперь можно немного передохнуть.

Хендрикс тяжело опустился на кучу обломков. Он тяжело дышал.

— Мы бросили Клауса.

Тассо молчала. Она вставила новую обойму взрывных патронов в пистолет.

Хендрикс ничего не понимал.

— Так ты что, умышленно сделала это?

Тассо пристально всматривалась в окружающие их груды камней и мусора, словно высматривая кого-то.

— Что происходит? — раздраженно спросил Хендрикс. — Чего ты ищешь? — Он качал головой, пытаясь понять. Что она делает? Чего ждет? Сам он ничего не видел. Только пепел, пепел... И ещё — одинокие голые стволы деревьев.

— Что...

Тассо остановила его:

— Помолчите, вы!

Глаза её сузились. Она резко вскинула пистолет. Хендрикс обернулся, проследив за её взглядом.

Там, где они только что прошли, появился человек. Он шёл очень медленно и осторожно: хроمال. Одежда на нем была изорвана. Он неуверенно приближался к ним, изредка останавливаясь, чтобы набраться сил. В какой-то момент он чуть не упал, едва удержался и некоторое время стоял, переводя дыхание. Затем снова начал двигаться.

Это был Клаус.

Хендрикс вскочил.

— Клаус! Какого черта ты...

Тассо выстрелила. Хендрикс отпрянул. Раздался ещё выстрел. Белая молния ударила Клауса в грудь. Он взорвался, и в разные стороны полетели колесиики и шестеренки. Какое-то мгновение он ещё шёл, затем закачался и рухнул на землю, широко раскинув руки.

Потом всё стихло.

Тассо повернулась к Хендриксу:

— Теперь понятно, почему он убил Руди?

Хендрикс снова устало опустился на кучу мусора. Он качал головой. Он был подавлен.

— Ну что, майор? — допытывалась Тассо. — Ты понял?

Хендрикс не отвечал. Происходящее стало ускользать от него, быстрее и быстрее. Он проваливался в темноту.

Майор очнулся и открыл глаза. Всё тело ломило. Он попытался сесть; руку и плечо пронзила острая боль. Он судорожно вздохнул.

— Лежите, майор, — остановила его Тассо. Она склонилась над ним, касаясь холодной рукой его лба.

Была ночь. Сквозь плотные тучи пепла мерцали редкие звезды. Хендрикс лежал, стиснув зубы. Тассо спокойно наблюдала за ним. Она развела костер из хвороста и сухой черной травы. Язычки пламени, шипя, облизывали металлический котелок, подвешенный над костром. Всё было тихо. Густая неподвижная тьма окружала их.

— Значит, это и есть вторая модель, — пробормотал Хендрикс.

— Я давно подозревала это.

— Почему же вы его раньше не уничтожили?

— Вы сдерживали меня. — Тассо заглянула в котелок. — Ладно. Сейчас будет кофе.

Она отодвинулась от огня и присела возле Хендрикса, потом начала, внимательно осматривая, разбирать пистолет.

— Отличное оружие. Супер.

— Что с ними? Я имею в виду «когти»... — спросил Хендрикс.

— Взрыв гранаты вывел большинство из строя. Они очень хрупкие. Я думаю, из-за высокой степени сложности.

— Дэвиды тоже?

— Да.

— Откуда она взялась у вас?

Тассо пожала плечами.

— Мы недавно создали её. Вам не следует недооценивать наш технический потенциал, майор. Как видите, она спасла нам жизнь.

— Это точно.

Тассо вытянула ноги поближе к костру.

— Меня удивило то, что вы, кажется, так ничего и не поняли, после того как он убил Руди. Почему вы думали, что...

— Я уже говорил. Мне казалось, что он напуган.

— Неужели? Знаете, майор, сначала какое-то время я подозревала вас. Вы не дали мне убить его, и я думала, что вы его защищаете.

Она засмеялась.

— Мы в безопасности здесь? — прохрипел Хендрикс.

— Ну, пока да. Во всяком случае, пока они не получат подкрепления.

Тассо начала протирать какой-то тряпкой части пистолета. Покончив с этим, она установила на место затвор и, проведя пальцем по дулу, поставила пистолет на предохранитель.

— Нам повезло, — пробормотал Хендрикс.

— Да. Повезло.

— Спасибо, что вытащили меня.

Тассо не ответила. Она смотрела на него, и в её глазах плясали огоньки костра. Хендрикс ощупал руку. Он не мог пошевелить

пальцами. Казалось, что онемел весь бок. Там внутри была тупая ноющая боль.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Тассо.

— Что-то с рукой.

— Ещё что-нибудь?

— Внутри всё болит.

— Я просила вас пригнуться...

Хендрикс молчал. Он смотрел, как Тассо наливает в плоскую алюминиевую миску кофе из котелка.

— Держите, майор.

Она протянула ему миску.

— Спасибо. — Он слегка приподнялся. Глотать было очень больно. Его буквально выворачивало, и он вернул миску. — Больше не могу.

Тассо выпила остальное. Время шло. По темному небу плыли серые тучи. Хендрикс отдыхал, стараясь ни о чем не думать. Спустя какое-то время он почувствовал, что над ним склонилась Тассо и смотрит на него.

— Что? — прошептал он.

— Вам лучше?

— Немного.

— Хорошо. Вы же знаете, майор, не утащи я вас оттуда, вы были бы сейчас мертвы. Как Руди.

— Да.

— Вы хотите знать, почему я вытащила вас? Ведь могла и бросить, оставить там.

— И почему же вы не сделали этого?

— Потому, что мы должны убираться отсюда, и чем быстрее, тем лучше. — Тассо поворошила палкой угольки. — Человек не выживет здесь. Когда к ним прибудет подкрепление, у нас не останется ни единого шанса. Я обдумала всё, пока вы были без сознания. Возможно, у нас есть часа три.

— И вы намерены сделать это с моей помощью?

— Совершенно верно. Я думаю, что вы можете вытащить нас отсюда.

— Почему я?

— Потому что я не знаю иного пути. — Глаза её ярко сияли. — Если вы не сможете, через три часа они убьют нас. Ничего другого я не вижу. Ну, майор? Надо что-то делать. Я ждала всю ночь. Пока вы были без сознания, я сидела здесь, сидела и ждала. Скоро рассвет. Ночь на исходе.

Хендрикс задумался.

— Любопытно, — наконец произнес он.

— Любопытно?

— Да. Ваша странная уверенность, что я могу спасти нас. Хотелось бы мне знать, как вы это себе представляете.

— Вы можете доставить нас на Лунную Базу?

— На Лунную Базу? Как?

— Должен же быть способ.

Хендрикс покачал головой.

— Если он даже и есть, то мне неизвестен.

Тассо молчала. На какое-то мгновение её уверенный взгляд дрогнул. Она кивнула и, отвернувшись, устало поднялась.

— Ещё кофе, майор?

— Нет.

— Как хотите.

Тассо пила молча. Хендрикс не видел её лица. Он снова улегся на землю и, пытаясь сосредоточиться, глубоко задумался. Думать было тяжело. Голова раскалывалась от боли. Он ещё не совсем пришёл в себя.

— А вообще-то... — неожиданно начал он.

— Что?

— Сколько ещё до рассвета?

— Часа два. Солнце уже скоро взойдет.

— Где-то неподалеку отсюда должен быть корабль. Я никогда не видел его, но знаю, что он существует.

— Что за корабль? — резко спросила Тассо.

— Небольшой космический крейсер.

— Мы сможем на нем добраться до Лунной Базы?

— Он для того и предназначен. На случай крайней опасности. — Хендрикс потер лоб.

— Что случилось?

— Голова. Кошмарная боль. Я не могу сосредоточиться. Эта граната...

— Корабль где-то рядом? — Тассо подошла к нему и присела на корточки. — Далеко отсюда? Где?

— Я стараюсь вспомнить.

Она вцепилась в его руку.

— Рядом? — она проявляла нетерпение. — Где это может быть? Может, под землей?

— Точно. В подземном хранилище.

— Как мы найдем его? Это место как-нибудь отмечено?

Хендрикс задумался.

— Нет. Никаких отметок. Никаких кодовых знаков.

— А как же...

— Там что-то есть.

— Что?

Хендрикс не ответил. В мерцающем свете костра глаза его казались мутными и пустыми. Тассо ещё крепче вцепилась в него.

— Что есть? Что?

— Я не могу вспомнить. Дай мне отдохнуть.

— Хорошо.

Она отпустила его и поднялась. Хендрикс вытянулся на земле и закрыл глаза. Тассо отошла в сторону. Она отшвырнула камень, попавший под ноги, и, запрокинув голову, уставилась на небо. Уже отступала чернота ночи. Приближалось утро.

Тассо, крепко сжимая пистолет, обходила костер. На земле, закрыв глаза, неподвижно лежал майор Хендрикс. Сероватая мгла от земли поднималась всё выше и выше. Проступили очертания пейзажа. Во все стороны простирались запорошенные пеплом поля. Пепел да обломки зданий. То тут, то там торчали уцелевшие стены, бетонные глыбы, черные стволы деревьев.

Воздух был холодным и колючим. Откуда-то издалека подавала голос птица.

Хендрикс пошевелился и открыл глаза.

— Заря? Уже?

— Да.

Он немного приподнялся.

— Вы хотели что-то узнать. Вы о чем-то спрашивали меня.

— Вы вспомнили?

— Да.

— Что же это? — Она вся напряглась. — Что?

— Колодец. Разрушенный колодец. Хранилище — под ним.

— Колодец. — Тассо расслабилась. — Тогда нам остается только найти его.

Она взглянула на часы.

— У нас есть ещё час, майор. Успеем?

— Дайте мне руку, — попросил Хендрикс.

Тассо отложила пистолет и помогла Хендриксу подняться.

— Вам будет трудно.

— Да, пожалуй. — Майор сжал губы. — Не думаю, что мы далеко уйдем.

Они пошли. Холодное утреннее солнце уже бросало первые лучи, озаряя плоскую выжженную землю. Несколько птиц высоко в небе медленно описывали круги.

— Видно что-нибудь? — спросил Хендрикс. — «Когти»?

— Нет. Пока нет.

Они миновали руины какого-то здания, перелезая через кучи мусора и кирпича. Бетонный фундамент. Разбегающиеся крысы. Тассо в испуге отпрянула от них.

— Здесь когда-то был городок, — заметил Хендрикс. — Так, провинция. Это была страна виноградников.

Они шли по обильно поросшей сорняками вымершей улице. Мостовая была покрыта трещинами. Справа, невдалеке, торчала кирпичная труба.

— Осторожней, — предупредил Хендрикс.

Перед ними зияла дыра, похожая на развороченный подвал. Покореженная арматура. Металлические трубы. Они прошли мимо уцелевшей стены дома, мимо лежащей на боку ванны. Ломаный стул. Алюминиевые ложки. Осколки фарфора. Посредине улицы зиял провал, заполненный соломой, всяческим хламом и костями.

— Где-то здесь, — прошептал Хендрикс.

— Сюда?

— Да. Направо.

Они прошли мимо разбитого танка. Счетчик на поясе Хендрикса зловеще запищал. Рядом с танком лежал похожий на мумию труп с открытым ртом. За дорогой тянулось ровное поле: камни, сорняки, битое стекло.

— Там! — указал Хендрикс.

Среди мусора высился каменный колодец с осевшими разбитыми стенками. Поперек него лежало несколько досок.

Хендрикс нерешительно подошёл к колодцу. Тассо шла следом.

— Вы уверены? — спросила она. — Это не очень похоже на то, что мы ищем.

— Уверен. — Хендрикс, стиснув зубы, устало опустился на край колодца. Он тяжело дышал. — Это было сделано на случай крайней опасности. Например, захват бункера. Корабль предназначен для эвакуации старшего офицера.

— И этот старший офицер — вы?

— Да.

— Но где он? Здесь?

— Мы стоим над ним. — Хендрикс провел рукой по каменной стене. — Кодовый замок отвечает только мне и никому больше. Это мой корабль.

Раздался резкий щелчок. И вскоре из глубины донесся низкий рокочущий звук.

— Отойдите, — сказал Хендрикс, оттаскивая Тассо от колодца.

Широкий пласт земли отошёл в сторону, и из пепла, распахивая битый кирпич и прочий мусор, начал медленно подниматься металлический стержень. Движение прекратилось, когда он весь появился на поверхности.

— Пожалуйста, — сказал Хендрикс.

Корабль был совсем небольшим. Он, удерживаемый сетчатым каркасом, мирно стоял, напоминая тупую иглу. Хендрикс подождал, пока осядет поднятая кораблем пыль, и подошёл поближе. Он забрался на каркас и отвинтил крышку входного люка. Внутри можно было рассмотреть пульт управления и кресло пилота.

Подошла Тассо и, встав рядом с Хендриксом, заглянула внутрь.

— Я не знаю, как управлять им, — сказала она немного погодя.

Хендрикс удивленно взглянул на неё.

— Управлять буду я.

— Вы? Там только одно место, майор. Насколько я поняла, эта штукавина лишь для одного человека.

У Хендрикса перехватило дыхание. Он внимательно осмотрел внутреннее пространство корабля. Там, действительно, было только одно место.

— Я понял, — сказал он. — И этим человеком будете вы.

Она кивнула.

— Конечно.

— Почему?

— Вам не вынести такого путешествия. Вы ранены и, вероятно, даже не сможете забраться в него.

— Интересно. Но есть одно «но». Я знаю, где находится Лунная База. А вы не знаете. Вы можете летать месяцами, но так и не найти её. Она практически не видна. Не зная, где искать...

— Но надо рискнуть. Может быть, я и не найду её. Сама. Но думаю, что вы поможете мне. От этого как-никак зависит ваша жизнь.

— Каким образом?

— Ну, если я быстро найду Лунную Базу, возможно, мне и удастся убедить их послать за вами корабль. Если же нет, то у вас нет шансов выжить. На корабле должен быть запас продовольствия, и я смогу достаточно долго...

Хендрикс резко рванулся. Но раненая рука подвела его. Тассо пригнулась и ловко отпрыгнула в сторону. Она резко выбросила вперед руку. Хендрикс успел заметить рукоятку пистолета, попытался отразить удар, но всё произошло слишком быстро. Удар пришёлся в висок, чуть выше уха. Ослепляющая боль пронзила его. В глазах потемнело, и он рухнул на землю.

Смутно он осознал, что над ним стоит Тассо и пихает его ногой.

— Майор! Очнись!

Он застонал и открыл глаза.

— Слушай меня, янки.

Она наклонилась; пистолет нацелен ему в голову.

— Я должна торопиться. Времени почти не осталось. Корабль готов. Я жду, майор.

Хендрикс тряс головой, пытаясь прийти в себя.

— Живей. Где Лунная База? Как найти её? — кричала Тассо.

Хендрикс молчал.

— Отвечай!

— Мне очень жаль.

— Майор. На корабле полно продовольствия. Я могу болтаться неделями. И в конце концов я найду Базу. Ты же умрешь через полчаса. У тебя есть единственный шанс выжить... — Она не успела закончить.

Вдоль склона, около развалин, что-то двигалось, подымая пепел. Тассо быстро обернулась и, прицелившись, выстрелила. Полыхнул белый огонь. «Коготь» начал поспешно удирать. Она снова выстрелила. Его разорвало на куски.

— Видишь? — спросила Тассо. — Это разведчик. Теперь недолго осталось.

— Ты пошлешь их за мной, Тассо?

— Конечно. Как только доберусь.

Хендрикс пристально всматривался в её лицо.

— Ты не обманываешь меня? — Странное выражение появилось на лице майора: ему вдруг страшно захотелось жить. — Ты вернешься за мной? Ты вытащишь меня отсюда?

— Да. Я доставлю тебя на Лунную Базу. Ты только скажи, где она.
Времени на раздумья не было.

— Хорошо.

Хендрикс постарался принять сидячее положение.

— Смотри.

Он подобрал какой-то камень и начал рисовать им на толстом слое пепла, Тассо стояла рядом, не спуская глаз с руки Хендрикса. Майор рисовал карту лунной поверхности. Рисовал очень приблизительно.

— Здесь Апеннины. Здесь кратер Архимеда. Лунная База — в двух сотнях миль от оконечности Апеннинского хребта. Я не знаю точно где. На Земле этого никто не знает. Но когда ты перевалишь через хребет, подай условный сигнал: сначала одну красную и одну зеленую вспышки, затем подряд две красные. Служба слежения примет твой сигнал. Сама База, конечно, находится глубоко под поверхностью Луны. Дальше они проведут тебя с помощью магнитных захватов.

— А управление? Я смогу справиться?

— Управление осуществляется автопилотом. Всё, что ты должна сделать, это подать сигнал в должное время.

— Отлично.

— Конструкция кресла такова, что ты практически не почувствуешь стартовых перегрузок. Подача воздуха и температурный режим контролируется автоматически. Корабль покинет Землю и перейдет на окололунную орбиту. Что-то порядка ста миль от поверхности Луны. Когда будешь в нужном районе, выпусти сигнальные ракеты.

Тассо проскользнула в люк и плюхнулась в кресло. Автоматически застегнулись ремни. Она провела пальцем по пульта управления.

— Мне жаль, майор, что тебе не повезло. Здесь всё предназначено для тебя, но...

— Оставь мне пистолет.

Тассо вытащила из-за пояса оружие. Она задумчиво держала его на ладони, словно взвешивая.

— Не уходи далеко. Иначе тебя будет тяжело найти.

Она взялась за стартовую рукоятку.

— Прекрасный корабль, майор. Я восхищаюсь вашим умением работать. Вы создаете потрясающие вещи. Это умение, как и сами творения — величайшее достижение вашей нации.

— Дай пистолет, — протягивая руку, нетерпеливо повторил Хендрикс. Ему с огромным трудом, но всё же удалось подняться на ноги.

— Всего хорошего, майор.

С этими словами Тассо отбросила пистолет. Он ударился о землю и, подпрыгивая, покатился прочь. Хендрикс быстро, как мог, устремился за ним.

Лязгнула крышка люка. Болты встали на место. Хендрикс нерешительно подобрал пистолет.

Раздался оглушительный рев. Оплавляя металл каркаса, корабль вырвался из клетки. Хендрикс, сжавшись, отпрянул. Вскоре корабль скрылся за тучами.

Майор ещё долго стоял и смотрел, задрав голову. Стало совсем тихо. Воздух утра был прохладен и неподвижен. Майор начал бесцельно бродить вокруг, говоря себе, что лучше далеко не отходить. Помощь придет... Может быть.

Он порылся в карманах и, обнаружив пачку сигарет, закурил.

Мимо пробежала ящерица. Хендрикс замер. Ящерица исчезла. Большой белый камень облюбовали мухи. Хендрикс замахнулся на них ногой.

Становилось жарко. По лицу майора текли ручейки пота и исчезали под воротником. Во рту пересохло.

Вскоре он устал ходить и уселся на камень. Вытащив из санитарного пакета несколько таблеток транквилизатора, он проглотил их, потом осмотрелся по сторонам.

Впереди что-то лежало. Вытянувшись. Неподвижно.

Хендрикс судорожно выхватил пистолет. Похоже, это был человек. Но вскоре он вспомнил. Это были останки Клауса. Вторая модель. Здесь Тассо пристрелила его. Он видел многочисленные колесики, реле и прочие металлические части. Они сверкали и искрились в лучах солнца.

Хендрикс поднялся и подошёл поближе. Он пнул ногой тело, переворачивая его. Он мог разобрать металлический каркас, алюминиевые ребра и распорки. Словно внутренности из вспоротой туши, из робота посыпались провода, переключатели, реле, бесчисленные крошечные моторчики.

Майор наклонился. Можно было рассмотреть мозг робота. Миниатюрные трубки, тонкие как волос провода, блестящие клеммы. Потом Хендрикс заметил заводскую пластинку с фирменным клеймом. Он внимательно рассмотрел её.

И побледнел.

«4-М».

Долго он стоял, уставившись на неё. Четвертая модель! Не вторая. Они ошибались. Их больше. Не три. Возможно, много больше. По крайней мере, четыре. И Клаус не был второй моделью.

Ко если Клаус не был второй моделью, то...

Внезапно он насторожился. Что-то двигалось там, за холмом. Что это? Он напряг зрение. Какие-то фигуры.

Они направлялись в его сторону.

Хендрикс быстро пригнулся и поднял пистолет. Пот застилал глаза. По мере того как они приближались, Хендриксу становилось всё труднее сдерживать охватившую его панику.

Первым шёл Дэвид. Завидев Хендрикса, он увеличил скорость. Другие следовали за ним. Второй Дэвид. Третий. Три абсолютно одинаковых Дэвида молча приближались к нему, мерно поднимая и опуская тонкие узловатые ноги. Прижимая к груди плюшевых медведей.

Он прицелился и выстрелил. Первые двое разлетелись вдребезги. Третий продолжал идти. За ним появилась ещё фигура. Раненый солдат. А...

А за Раненым солдатом бок о бок шествовали две Тассо. Тяжелые ремни, русские армейские брюки, гимнастерки, длинные волосы. Обе стройные, молчаливые и совершенно одинаковые. Именно такую фигуру он видел совсем недавно. Сидящую в кресле космического корабля.

Они были уже близко. Вдруг Дэвид согнулся и бросил плюшевого медвежонка. Медвежонок устремился к Хендриксу. Пальцы майора автоматически нажали на курок. Игрушка исчезла, превратившись в пыль. Но две Тассо всё так же шли, невозмутимо, бок о бок, по серому пеплу.

Когда они были совсем рядом, Хендрикс выстрелил.

Обе исчезли. Но уже новая группа, пять или шесть Тассо, поднималась на холм.

А он отдал ей корабль и выдал сигнальный код. И из-за него она теперь направляется к Лунной Базе. Он сделал всё, чтобы она попала туда.

Он был прав насчет той гранаты. Она создана со знанием внутреннего устройства различных типов роботов. Таких, как Дэвид, Раненый солдат, Клаус. Это оружие не могло быть сделано человеком. Похоже, что оно разработано на одном из подземных заводов-автоматов.

Шеренга Тассо приближалась. Хендрикс, скрестив на груди руки, спокойно смотрел на них. Такое знакомое лицо, ремень, грубая гимнастерка, такая же граната, аккуратно пристегнутая к ремню.

Граната...

Когда они добрались до него, забавная мысль мелькнула в сознании Хендрикса. От неё он даже почувствовал себя несколько лучше. Граната. Созданная второй моделью для уничтожения остальных. Созданная с одной единственной целью.

«Они уже начали истреблять друг друга».

• • • •

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Филип Киндред Дик.....1

ВСПОМНИТЬ ВСЁ.....1

Филип Киндред Дик.....32

ВТОРАЯ МОДЕЛЬ.32

ОГЛАВЛЕНИЕ:99

• • •